

Арина Каледина

Бразильский карнавал

Вместо пролога

Сонное море накатывало с шумным шуршанием, следуя вечному внутреннему ритму. Вдо-ох... Выдох... Вдо-ох...

Сделав несколько шагов и мгновенно увязнув каблуками в песке, Элен скинула злополучные чужие туфли, и, блаженно ощутив прикосновение теплых песчинок, пошла навстречу морю-великану, подобрав подол длинного платья. Волна ласково лизнула пятки. Элен остановилась, вглядываясь в бездонную слюдяную даль, будто надеясь разглядеть далекий берег...

Ночной клуб за спиной глухо гремел канонадами. Звуки доносились, словно из преисподней, а здесь на пляже безмятежно горели длинноногие факелы. Один, заброшенный ввысь рукой неизвестного уличного жонглера, повис над морем, зацепившись за гвоздик звезды. Зыбкая факельная дорожка сквозь вязкую, почти осязаемую прозрачность манила в иной, запредельный мир. Хотелось побежать по ней, выбиться из сил, оказаться на том берегу в белом доме с оранжевой крышей и изумрудной лужайкой...

Элен побрела вдоль берега. На душе было пусто и горько.

Огромная волна — очевидно, девятая по счету — накатила неожиданно. Вырвав из рук легкие туфельки, потащила в глубину. Элен кинулась их спасти, поймала правую и уже не увидела левой. Долго барахталась, выглядывая в темноте туфлю-лодочку, безвозвратно присвоенную алчным морем. Платье мгновенно промокло насквозь. Представив себя со стороны, Элен невесело усмехнулась: тоже мне — вышла из пены морской Афродита!

Однако пора было возвращаться. Путаясь в мокром подоле, она обогнула здание клуба и вдруг оказалась у незнакомого входа. Надеясь проскользнуть незамеченной, толкнула стеклянную дверь.

Дорогу преградил внушительных размеров охранник с аккуратно стриженным ершиком английского газона на голове.

— Mademoiselle, vos papiers d'identité, s'il vous plaît¹.

Элен растерялась — какие документы у Афродиты? Намереваясь исчезнуть без объяснений, попятилась, внезапно ощутила спиной некую

¹ Ваши документы, пожалуйста.

преграду. Испуганно отпрянула, обернулась.

Перед ней внимательно разглядывая её мокрую и босую с одинокой туфлей в руке и уныло сползающими по плечам змейками волос, стоял папаша известного российского кутюрье Вани Брийан. Близко посаженные острые глаза, упрямый лоб, широкие монгольские скулы, тонкий, почти просвечивающий нос-клюв... Птица-ворон, да и только! Его непроницаемое, словно из воска вылепленное лицо можно было назвать некрасивым, если бы оно не было столь волевым и властным. Во всем облике этого человека чувствовалась скрытая завораживающая сила.

— This is my guest, — сообщил он охраннику, и вдруг, крепко ухватив Элен за локоть, потащил вверх по лестнице.

От неожиданности она даже не подумала сопротивляться. В конце концов, разве не хотела она попасть в здание еще минуту назад?

— Do you speak English? — ступая по мягкой ковровой дорожке, спросил он.

— Just a little, — едва поспевая, ответила Элен. — I speak better French.

— Too bad. I don't, — нахмурился он, и, наконец, выпустил её локоть из цепких пальцев.

— Тогда, может, по-русски? — потирая локоть, не очень неуверенно предложила она.

Он кинул быстрый взгляд через плечо:

— Откуда Вы, Наяда?

— Афродита, — машинально поправила Элен. — Из моря, вестимо.

— Где же Ваш Посейдон? — он откровенно насмешничал.

— На том берегу, — не соврала она.

— Вы здесь одна?

Элен насторожилась: к чему этот вопрос?

— Нет, разумеется.

Он, видимо, почувствовал её напряжение, больше ни о чем не спрашивал.

Влажная духота улицы сменилась внутренней прохладой. Повсюду бесшумно работали мощные кондиционеры.

Шли по бесконечному бордовому ковру просторного коридора, преодолевая анфиладу услужливо разъезжающихся дверей. Светлые стены, неярко освещенные, картины в глубоких рамах, широкобедрые напольные вазы... неброская роскошь. Элен успела замерзнуть. Папаша-ворон то и дело оборачивался, но смотрел сквозь неё, вглубь коридора. Он был явно встревожен.

Перед тяжелой дверью красного дерева, наконец, остановились. Убедившись, что в коридоре кроме них никого нет, он повернул в замке ключ.

— Думаю, Вам стоит переодеться, — скорее распорядился, чем предложил он. — Подберите

себе что-нибудь, не то простудитесь среди жаркого лета.

Окинув её откровенным взглядом, добавил:

— Полагаю, с размером проблем не возникнет.

Дверь бесшумно затворилась. Элен осталась одна в просторной, ярко освещенной комнате, похожей на театральный гардероб. Рассеянно огляделась и вдруг почувствовала, как кровь ударила в виски: вокруг на специальных мобильных стойках аккуратными рядами висели многочисленные модели коллекции Вани Бриан.

Не медля ни секунды, она кинулась судорожно перебирать наряды. Платья, юбки, жакеты, блузы... Тщетно. Того, что она искала, не было.

Элен на секунду зажмурилась, переводя дыхание, стараясь взять себя в руки. Нужно было успокоиться и внимательно без суеты еще раз просмотреть каждую модель.

Следующие двадцать минут она скрупулезно изучала шовчики и строчки, выворачивая вещи наизнанку, пристально разглядывая мелкие детали. Но разве же по шовчикам и строчкам можно определить автора швейного шедевра?! Платье — не картина и не памятник архитектуры.

Техническая сторона работы была выполнена безукоризненно, над коллекцией явно трудились

великолепные портные.

Неброский жилет с яркой вышивкой неожиданно привлек внимание. Что-то в этой вышивке настораживало, цепляло глаз. Элен сняла жилет с плечиков, зачем-то понюхала, погладила нежную шелковую подкладку. Жилет выскользнул из рук, упал на пол. На цветной вышивке в абстрактном этническом рисунке переплелись непривычно вытянутые, но абсолютно узнаваемые буквы «O» и «G» — «Orlando Grisman» — официальный бренд, запатентованный Орландо ещё в самом начале карьеры, и с тех пор бережно пестовавшийся PR-службой его модельного дома. Именно эту «визитную карточку» стилиста так настойчиво искала Элен. Обычно этот торговый знак пришивался на подкладку под воротничком. Здесь же он был спрятан, искусно закамуфлирован.

Снова перебрав модели и проявив внезапно открывшиеся дедуктивные способности, она быстро нашла знакомые буквы, мастерски скрытые складками, поясами, воланами и воротничками, вышитые на манжетах с внутренней стороны, выбитые на пуговицах. Орландо ухитрился оставить «черные метки» — неоспоримые улики — на всех без исключения экземплярах коллекции господина Бриан.

Стоя посреди этого блестящего великолепия, Элен с силой терла виски, ничего не понимая,

пытаясь найти хоть какое-то объяснение своему неожиданному открытию, дать логическое объяснение происходящему.

В дверь постучали. Она вздрогнула.

— Une minute, s'il vous plaît.

Молниеносно стянув непослушное мокрое платье, схватила с вешалки первые попавшиеся брюки и воздушную блузку из яркой тафты. Одним движением собрала на затылке влажные волосы, огляделась в поисках заколки, подобрала с полу остро отточенный карандаш, воткнула в шиньон и, наконец, распахнула дверь.

В коридоре было пусто. На пороге одиноко стояли изящные босоножки на невысоком тонком каблуке. Примерив, удивилась: обувь пришлась не просто впору, она словно была сшита на заказ. «Афродита Золушковна», — невесело усмехнулась Элен и, прикрыв за собой дверь, отправилась на поиски своего внезапного благодетеля, впервые за весь вечер не думая о стертых пятках.

Во что бы то ни стало, нужно было прояснить ситуацию с коллекцией, подписанной рукой известного европейского стилиста и модельера Орландо Гризмана и представленной сегодня на европейском подиуме под именем молодого российского кутюрье Вани Бриан.

Глава первая

Начало

1

...Она не верила своим глазам. Глаза в свою очередь не верили тому, что видели, а мозг и вовсе отказывался воспринимать зрительную информацию.

«Если мои собственные глаза и мозг не могут договориться между собой, я уж тут точно бессильна!» — решила Лёля и благополучно отключилась...

Снова придя в чувство, она обнаружила себя в незнакомой комнате, больше похожей на каморку. Одетая, она лежала в узенькой кровати под коротеньким одеялом, из-под которого беспомощно торчали босые ноги. В крошечное отверстие под потолком протискивался яркий солнечный луч, норовя пощекотать пятки. Лёля пошевелила пальцами, прогоняя назойливый луч. Зевнув, попыталась сфокусировать блуждающий взгляд на конкретном предмете. Получалось неважно. Перед глазами расплывалась темная громада деревянного шкафа, косым боком подпирающего облезлую стену. Через некоторое время удалось различить низенькую раковину, сиротливо притулившуюся в углу. «Детская, — подумала Лёля, протирая глаза, — слишком уж маленькая, как, впрочем, и

все остальное». На раковине инородным телом синела знакомая веселенькая косметичка в белый горошек, пристроенная чьей-то заботливой рукой. «Надо умыться», — решила Лёля, сползая с кровати, и вдруг сообразила, что раковина — вовсе не раковина, а допотопный биде, непонятно по каким причинам оказавшийся в жилой спальней комнате. «Ну, и нравы! — поморщилась Лёля, брезгливо подцепляя любимую косметичку двумя пальчиками. Увесистая косметичка предательски выскользнула, тяжело брякнув об пол. Старенькая застежка не выдержала и отвалилась. Тушь, блеск для губ, карандаш для бровей наперегонки покатались под кровать. Лёля плюхнулась на колени, неуклюже поползла собирать свое богатство, больно стукнулась головой о железный каркас кровати. Мысли, ползающие в голове ленивыми сороконожками, резко подпрыгнули, мгновенно увеличив скорость движения. «Мебель из пионерского лагеря», — сердито думала Лёля, потирая ушибленное место. Отбросив косметичку, в два шага преодолела расстояние до двери, повернула ржавый ключ, торчащий в замочной скважине, выглянула в коридор.

Тишина... Только где-то внизу негромко жужжит пылесос.

Крошечная площадка, три одинаковых двери, деревянная лестница вниз.

Сунув ноги в сценические босоножки на высоченных каблуках, стараясь не шуметь, Лёля спустилась на первый этаж, и, к счастью никого не встретив, выскочила на улицу. Прочь отсюда! Прочь!

Обычный шум большого города мгновенно вернул ощущение реальности. Будничная жизнь текла мимо потоком разноцветных машин и пешеходов. Тюремное окошко и биде на миг показались всего лишь ночным недоразумением.

«Ни за что туда не вернусь! — думала Лёля, инстинктивно сжимая кулаки. — Сейчас немножко пройду, а потом что-нибудь придумаю! Только без паники!» — и она поковыляла в ту сторону, где в просвете между домами угадывалась многолюдная городская площадь.

На площади, удобно устроившись в плетеных креслах под веселыми пестрыми зонтиками, пили кофе беззаботные горожане, улыбаясь солнцу, летнему дню и еще чему-то своему. Трудно было поверить, что здесь, в двух шагах от каморки на чердаке люди просто живут, читают газеты, разговаривают на своем, всем понятном языке и даже не подозревают о том, что вот эта симпатичная, чем-то расстроенная девушка только что сбежала из иного, большинству обывателей незнакомого мира — царства соблазна и искушений, похоти и вседозволенности...

На готической башне, похожей на остро отточенный карандаш, устремленный острием в облака, стрелки часов сошлись в верхней точке. Башня вдруг вздохнула и запела, старательно, словно ученица по нотам, выводя диковинную, непривычную уху мелодию.

Лёля брела по улице, то и дело спотыкаясь, с трудом удерживая на ногах постоянно соскальзывающие босоножки. Взглянув на свою злополучную обувь, обнаружила, что длинные тесемки, обычно обвивающие икру до колена по принципу римских сандалий, безвольными хвостами тащатся по асфальту. Всего-то? Завязав тесемки, почувствовала себя почти счастливой. Много ли человеку для счастья нужно? Предполагалось, что у Лёли для счастья все уже есть...

Если бы только можно было выкинуть вчерашний день на свалку небытия и больше никогда о нем не вспоминать...

* * *

Лёля шла по незнакомой широкой улице, разглядывая все, что попадалось на глаза.

Вот она — заграница. Центр Европы! Никаких многоэтажных новостроек, похожих друг на друга

как безликие кирпичи. Повсюду старые дома в пять-шесть этажей, у каждого свое лицо, свой характер. Этот дом — сразу видно — капризный брюзга. Насупился и подозрительно косится бликующим окном на огромный щит у подъезда с непривычно откровенной рекламой женского белья. А это длинное здание с симпатичными башенками по бокам — наверное, административное: на окнах одинаковые светлые жалюзи, за которыми просматриваются одинаковые ряды книжных полок, заставленных одинаковыми толстыми папками. Длинная стена витрин высотой в два, а то и три этажа. Манекены за стеклом — вовсе не настоящие куклы. Это подростки, которые замерли по команде, играя в старую игру «Море волнуется раз...» Того и гляди «отомрут» и отправятся по своим делам — на почту, в кино, на рынок.

Возле кондитерской лавки Лёля остановилась и долго терлась носом о волшебную витрину с пирожными — точную копию картинки из старой маминой поваренной книги. Вспомнила, что забыла, когда ела в последний раз. Сунув руку в карман, обнаружила скомканную десятидолларовую купюру — все, что осталось после оформления заграничного паспорта, визы и покупки билетов. Зажав в кулаке свое состояние, на секунду зажмурилась (для храбрости), и

решительно шагнула в прохладу банковского холла. Уже через пять минут ощутила себя вполне кредитоспособным туристом, беззаботно позвякивающим местной валютой.

Только подумать, всего неделю назад она сдавала последний экзамен в институте, танцевала в дипломном спектакле на одной из прославленных российских сцен и замирала от мысли, что Европа вот-вот приветливо распахнет перед ней ярко освещенное окно! Сказочно мерцающая на горизонте мечты Европа...

Ещё вчера вместе с новеньким дипломом в кармане лежал «серпастый» и «молоткастый», самый надежный в мире паспорт, вселяющий уверенность в завтрашнем дне. Ты — гражданин великой державы, а, значит, защищен и неприкосновенен. А сегодня...

Лёля старалась не думать категориями «сегодня», а, тем более, «завтра», просто шла, вдыхая незнакомый город.

Голова, обдуваемая теплым ветерком, потихоньку начинала соображать. Неожиданная мысль позвонить в советское посольство показалась спасительной.

В первой же телефонной будке к своему великому удивлению Лёля обнаружила толстый справочник, который почему-то никто не украл. Хорошо, что ума хватило перед отъездом выучить

словосочетание «Ambassade de Russie». На всякий случай. Вот и пригодилось...

...Закончив короткий разговор с представителем власти, Лёля в полном изнеможении выползла из будки, плюхнулась на каменный поребрик у дороги и принялась думать...

Думала долго — минут пятнадцать (вечность для блондинки). В ушах набатом звучал бесстрастный голос: «Вам следует немедленно явиться в посольство. В двадцать четыре часа вы будете отправлены в Союз...». По возвращении надлежало возместить родному государству стоимость авиабилета в размере пятисот шестидесяти семи американских долларов. Паспорт, разумеется, будет конфискован. Нетрудно догадаться, что о дальнейших зарубежных поездках останется только мечтать. (О том, что её паспорт находится у работодателя, Лёля чиновнику не сказала).

Пятисот шестьдесят семь долларов? Какая прелесть! Да ей за всю жизнь столько не заработать! Привыкнув жить на повышенную стипендию в сорок пять рублей — два с половиной доллара, Лёле трудно было даже представить, как выглядит такая пачка денег. Предложение посольского работника показалось абсурдным. Однако другого ответа в те годы ожидать и не приходилось. Только вот Лёля надеялась получить

иную помощь. Наивная!

Лобастые автобусы один за другим подплывали к остановке, и, устало вздохнув, присаживались на правое колено, услужливо опуская широкую подножку к самому тротуару. Понаблюдав, как дисциплинированные пассажиры одновременно входят в передние и выходят в задние двери, отчего казалось, что они проходят сквозь автобус, не задерживаясь, Лёля снова двинулась в путь — куда глаза глядят. Нащупав в кармане мелочь, завернула в небольшой супермаркет. С деланным равнодушием долго рассматривала яркие коробочки и пакетики, пытаясь определить их содержимое. Словно пчелиным хоботком шевелила носом, втягивая запахи копченостей и специй, аромат ванили и корицы, плывущие с разных сторон из мясного и хлебобулочного отделов. Получасовая прогулка по райскому уголку изобилия закончилась полным крахом марксистско-ленинской теории построения коммунизма в голове молодой советской гражданки. Прелести пионерского детства и комсомольской юности с романтикой костров, вкусом печеной картошки и азартом бесконечных соревнований вдруг показали странным недоразумением. Проклятый капитализм поворачивался другим, вкусно пахнущим румяным боком.

На тридцать первой минуте праздного шатания по магазину Лёля обнаружила за собой слежку.

«Начинается! — подумала она, машинально втягивая голову и серией коротких рокировок перемещаясь в сторону полки с детскими игрушками. Шеренги плюшевых медведей обещали стать надежным укрытием. — Вот вам и заграничная действительность!»

Но кто? Работодатель? Посольский шпик? Служащий супермаркета? Она ведь ничего не покупает, а, значит, непременно что-нибудь украдет.

Не успела Лёля додумать, кому вдруг оказалась небезразлична её скромная персона, как преследователь, ловко маневрируя между плотно заставленными рядами, неожиданно возник прямо перед носом.

— Cherchez-vous quelque chose de particulier, mademoiselle?

Его очаровательная улыбка не могла обмануть осторожную Лёлю. С быстротой заведенного болванчика она закивала головой, затем, подумав секунду, с той же решимостью головою замотала (на всякий случай), и, поразмыслив ещё чуть-чуть, принялась бешено вращать глазами во всех доступных человеку направлениях, не прекращая, однако, кивать и мотать головой.

Пусть понимает, как хочет! Она вот, не зная языка, должна как-то понимать, чего он к ней привязался и что ему от неё, собственно, нужно?!

Внешность молодого человека полностью соответствовала её представлениям о шпионах и агентах любых разведок всех подряд стран мира: долговязый, пучеглазый, бесцветный.

Парень удивленно смотрел на неистово трясущую головой незнакомку, её хорошенькое

личико, искаженное гримасой ужаса. Опасаясь непредсказуемой реакции, осторожно спросил:

— Do you speak English?

Лёля в ответ только увеличила амплитуду движений.

— Deutsch? — не терял надежды шпик. Но девушка, по-видимому, не совсем адекватно воспринимала окружающую действительность.

Он слегка растерялся.

Воспользовавшись коротким замешательством, Лёля ринулась к кассе, схватив на ходу с полки первую попавшуюся упаковку неизвестно чего. Высыпав перед кассиршей горсть непривычных монет, метнулась к выходу. В руках оказалась запечатанная в пластик тонко нарезанная копченая колбаса. Лёля остановилась, переводя дыхание, понюхала колбасу. Герметичная упаковка ничем не пахла.

В этот момент из магазина выскочил преследователь. В правой руке он сжимал... пачку сигарет.

— Une minute, mademoiselle! Etes-vous pressé? — он смотрел с интересом, видимо, пытаясь понять, что это за чудо бегаёт, как ошпаренное, по магазину с колбасой в руках?

Поджав губы и вытаращив глаза, Лёля упорно молчала. Сердце прыгало в грудной клетке, как испуганная белка.

Молодой человек кажется, что-то заподозрил:
— Avez-vous des problèmes, mademoiselle?

По вопросительным интонациям и слову «проблем», звучащему на всех языках одинаково, Лёля вдруг поняла, что этот долговязый парень спрашивает о её, Лёлиных проблемах, и что впервые в этой злобной чужой стране кто-то вообще интересуется ею!

То ли неожиданно проявленное человеческое участие, то ли сдавшие, в конце концов, нервы были тому виной, но она вдруг разрыдалась, выплескивая со слезами всю горечь, обиду, страх и напряжение последних часов...

* * *

Она взбежала по узким ступенькам темного коридора, толкнула первую дверь. Пусто. Толкнула другую — заперто. Плечом налегла на третью... и с грохотом ввалилась в каморку. На пути падения весьма некстати оказалась подруга по несчастью по имени Татьяна, которую со вчерашнего вечера здесь называли исключительно «Танья» с ударением на «я». Наудачу в двух шагах от двери стояла кровать, и девушки с размаху рухнули поперек узкого ложа. Больно ударившись об угол прикроватной тумбочки (что же ей сегодня так не

везет!) Лёля скатилась на пол и теперь пыталась подняться, неуклюже собирая длинные руки-ноги. Таня так и осталась лежать на кровати безвольным ватным чучелом. Третья в «связке» подруга Катерина, отныне — Катя, сидела в углу на корточках и молчала.

На единственном в «апартаментах» стуле грациозно восседала шикарная длинноволосая блондинка. С нескрываемым любопытством она взирала на всю честную компанию с общим универсальным именем «русская Наташа». Грудь гостьи как переспевшее сдобное тесто выпирала из оков блестящего, будто стального корсета. Загорелая нога невообразимой длины равномерно раскачивалась огненно-красным маятником-каблуком. Блондинка курила, зажав тонкую коричневую сигару двумя неожиданно толстыми и грубыми пальцами с алыми, в тон босоножкам, ногтями, похожими на листья алоэ, зачем-то раскрашенные масляной краской. На вторжение Лёли блондинка никак не отреагировала, продолжая мастерски пускать к потолку сизые колечки дыма.

— Здравствуйте, — кивнула ей вежливая Лёля. — Девочки, поговорить надо.

— Говори, раз надо, — неприветливо откликнулась Катя, почему-то невзлюбившая Лёлю с первого дня знакомства, однако

вынужденная терпеть её присутствие в силу обстоятельств. — Говори, не стесняйся. Наша «коллега» из Бразилии, где много диких обезьян, — она гримасничала, подражая Александру Калягину, — ни слова не понимает по-русски.

Бразильская «коллега» очевидно сообразив, что речь идет о ней, улыбнулась очаровательной улыбкой в тридцать два желтоватых зуба. Протянув руку для приветствия, она сильно притянула к себе Лёлю, проволочив бедняжку по полу от кровати до стула, и смачно расцеловала. «Мягкая и нежная», как наждачная бумага кожа на её щеках неприятно царапнула. От неожиданности выразительные глаза Лёли полезли на лоб, ладони непроизвольно принялись растирать ужаленные щеки.

— Hello, baby! — чарующим басом произнесла блондинка, отвесив Лёле дружеский шлепок. — How are you?

Лёля потеряла дар речи. Однако красноречия от неё и не требовалось. Слово было предоставлено бразильянке.

Сольное выступление мирного белокурого парламентария, присланного руководством кампании — работодательницы, посвящалось правам и (в основном) обязанностям новоявленных сотрудниц.

Месяц назад в Москве девушки подписали контракт с крупной европейской артистической

фирмой, где четко и ясно было прописано, что с такого-то по такое-то число госпожи такая-то и такая-то ангажируются для участия в международной шоу-программе в должности артисток балета. Оплата в сумме... Далее следовала цифра, которая и стала решающим фактором в пользу работодателей. Концертировать предполагалось на площадке отеля «Royale» — самого фешенебельного столичного отеля крошечного государства Цвергбург, едва различимого на карте Европы.

Оказалось, с адресом что-то напутали. Еще забыли предупредить, что треть указанной в контракте суммы ежемесячно будет удерживаться за проживание в каморках-конурах. Еще часть — вычитаться в форме налогов государству, любезно предоставляющему иностранным гражданам право на работу. И уж совсем небольшая сумма должна быть добровольно отдана в общую кассу заведения под названием «Chez Alex», для оплаты работы охранников и clinging ladies. Безопасность и гигиена превыше всего! Тех денег, что оставались после вычетов, как раз бы хватило на любимую с детства печеную картошку. Вот только как развести костер в центре Европы, непонятно. Разве что пригреться у очага местных бомжей...

О специфике работы артисток балета в контракте тоже ничего не говорилось, однако

белокурая бразильянка вот уже битый час талдычила именно об этом. На примитивном английском с использованием французских терминов и идиоматических выражений она пыталась объяснить совершенно неподготовленным бестолковым новеньким значение слова «consommation» — консумация, предполагающая обязательное потребление спиртных напитков с клиентами до и после выступления. Иными словами, проводилась инструкция по раскрутке клиентов-лопухов на потребление алкоголя не рюмками и фужерами, а бутылками и литрами, лучше — бочками.

Опытная коллега безвозмездно делилась профессиональными хитростями, для большей убедительности сопровождая рассказ красноречивыми жестами. Шампанское тайком от клиента предлагалось сливать прямо под стол (желательно все же не на его штаны и туфли). Иначе с непривычки девушки рисковали сами оказаться под столом после третьей-четвертой рюмки. Для отвода глаз коллега советовала демонстрировать клиенту свои женские прелести. При необходимости — «на ощупь». Главное — результат! Чем больше выпьешь (или выльешь, тут уж кто как сумеет), тем больше заработаешь. Оплата — процент от количества выпитого. Прямой «физический контакт», ярко и доходчиво

изображенный раскрепощенной бразильянокой, категорически запрещается. Ни в коем случае! Ни-ни! Исключено!

Для более плотных контактов существуют «séparés»...

Именно после первого приглашения в это самое «сепаре» Лёля вчера и отключилась.

Сейчас она жестикулировала не меньше бразильянки, пытаясь дать подругам понять, что нужно срочно бежать, не теряя драгоценного времени. Но прервать вдохновенный рассказ коллеги никто не осмелился до тех пор, пока она сама, не удалилась, плавно покачивая узкими бедрами, стянутыми джинсовой тряпочкой со стразами.

— Девчонки! У нас, кажется, есть выход! — Лёля едва дождалась, когда за бразильянокой закроется дверь. — Нам помогут! Скорее! Нас ждут!

* * *

Офис агентства по продаже недвижимости располагался неподалеку от кабаре «Chez Alex». В небольшом уютном помещении за длинными столами сидели два молодых человека в летних костюмах и белоснежных рубашках с галстуками (в

такую-то жару!). Один из них — тот самый долговязый шпик по имени Паскаль — вышел навстречу русским красавицам, робко протиснувшись в приоткрытую дверь. Второй — высокий сутулый парень с маленькой головой и крупными чертами лица — приветствуя «Наташ», поднялся из-за стола, с грохотом опрокинув стул.

— Генрих Струпнердхаузен, — смущенно пробормотал он.

«Ну, и фамилия! — немедленно вылезло вперед седьмое чувство — женская интуиция — и торопливо зашептало Лёле на ухо: — Выговорить невозможно, не то, что запомнить! Мюнхгаузен какой-то! И тебе с такой фамилией придется жить?!»

«Не болтай ерунды! — отмахнулась Лёля. — Не до того!»

Высочка-интуиция обиженно скуксилась, но больше не тревожила.

Дальнейшее действие разворачивалось по всем правилам грамотной голливудской трагикомедии: три девицы рыдали в голос, утираясь мокрыми насквозь носовыми платками. На ломанной смеси английского, французского и немецкого языков школьного разлива с помощью разговорника, прихваченного предусмотрительной Катьей, они долго и упорно пытались растолковать ребятам простую, в общем-то, ситуацию: «Наше

дело — кранты: мы проданы в публичный дом, он же — кабаре. Что делать и как выкарабкаться — понятия не имеем».

Через час, покинув душный офис, на изрядно потрепанной BMW Паскаля они ехали к некоему господину по фамилии Astafieff, любезно и совершенно даром согласившемуся поучаствовать в разговоре «глухонемых» в роли квалифицированного переводчика. Девушки терялись в догадках: неужели автор «Царь-рыбы» эмигрировал?

Оказалось — тезка-однофамилец. Месье Виктор Астафьев — потомок эмигрантов первой волны, был в состоянии кое-как складывать очень сложные русские слова в очень простые и почти понятные предложения. С горем пополам...

Ещё через час стало ясно, что легального пути возвращения незадачливых артисток на родину нет. Остаться в Цвергбурге было немислимо. Мечты о том, чтобы заработать запланированные полцарства и вернуться домой «на коне», а не бежать с позором несолоно хлебавши, рушились на глазах. Месье Астафьев горячился, утверждая, что проституции в его родной стране нет и быть не может, поэтому предпринимать, что бы то ни было, во спасение обманутых девушек категорически отказывался! Предлагал обратиться в полицию. Подобное предложение никто, однако, принять не рискнул.

Поблагодарив господина переводчика за помощь, молодежь покинула его дом. Во избежание международного конфликта решено было временно вернуться к Алексу.

У дверей «родного» кабаре, их ожидал сюрприз в образе менеджера международной артистической компании. Маленький лысенький господин с остатками седых кудряшек на затылке, бегающими глазками на выкате и вздернутыми реденькими усиками над приоткрытой губой вчера встречал наших артисток в аэропорту. Сегодня он имел весьма суровый вид: бровки сдвинуты к переносице, глазки мечут гневные молнии. Заприметив провожатаев, он принялся суетно втискивать в багажник своего Мерседеса вещички «Наташ», собранные без их ведома и участия. Девочки догадались, что здесь они больше не работают. Ко двору не пришлись, аль рожей не вышли? Что же, прощайте, милые сотрудницы заведения — черненькие и желтенькие негритяночки и филиппиночки, доминиканочки и пуэрториканочки. Прощай, коллега — златовласая бразильянка. Прощайте, бордовые бархатные портьеры, надежно скрывающие уютные диванчики и крошечные столики частных *séparé*. Не поминайте лихом.

Из дверей кабаре вышел месье Алекс — владелец заведения — собственной персоной.

Достав «из широких штанин дубликатом бесценного груза» три синенькие книжечки — служебные паспорта «Наташ», передал их господину менеджеру, даже не взглянув на неперспективных балерин.

Молча, будто бессловесный товар, которым они, по существу, и являлись вот уже почти сутки, девушек погрузили в машину и повезли в неизвестном направлении.

Мерседес долго петлял по незнакомому городу. Вокруг магическими огнями переливались огромные экраны рекламных табло, манящей роскошью сверкали фантастические витрины. Чья-то чужая, неведомая жизнь, в которой им не оказалось места. Их везли в неизвестность...

Знакомая BMW, не отставая, двигалась следом...

* * *

Покружив по улицам минут сорок, остановились в трехстах метрах от кабаре «Chez Alex» (буквально за углом) возле неприметного здания, затерявшегося среди серых домов привокзального района «красных фонарей». Над входом розовым свечением загадочно и призывно переливались буквы:

«Chez nous»
Cabaret

Приехали.

«Русских Наташ» выгрузили из автомобиля и передали с рук на руки шкафообразному бугаю-охраннику.

Генрих и Паскаль, наблюдавшие сцену передачи «товара» из окна BMW, удивленно переглянулись. Кому нужна была эта «экскурсия»? Девчонок откровенно сбивали с толку.

Зачем?

Может быть, чтобы утратили ориентацию в пространстве и не смогли найти дорогу к их офису? Что ж, господа «работоторговцы», посмотрим, кто кого!

Их план требовал предварительной подготовки...

Тем временем Лёля с подругами, едва успев втащить чемоданы в новые «апартаменты», как две капли воды похожие на предыдущие, удостоились визита хозяйки — невысокой крашеной блондинки в возрасте с ярким, почти сценическим макияжем.

«Что же они здесь все блондинки-то? — думала Лёля. — Мода, что ли, такая?»

Улыбающаяся хозяйка появилась на пороге с полной тарелкой бутербродов. Это был первый

ужин, завтрак и обед за последние сорок восемь часов. Поэтому «Наташи» моментально прониклись к «кормилице» дочерней любовью, напрочь утратив бдительность и осторожность. Тут-то им и предложили продемонстрировать дирекции заведения балетную программу с целью отбора лучших номеров.

...Вчера их танцевать вовсе не просили, сразу пригласили на консуммацию. С корабля на бал, без церемоний.

Судя по интерьеру, кабаре «Chez nous» стояло на порядок выше соседей-конкурентов. Порно экран отсутствовал, зато имелся рояль и — неужели?! — самая настоящая сцена! В полумраке, сохраняемом даже днем, пустой зал показался уютным и совсем не опасным.

Дирекция состояла из хозяина — черноволосого толстячка южных кровей, его жены — вышеописанной блондинки с бутербродами и их сыночка-наследничка — молодого крепыша с пронизывающим взглядом будущего гангстера.

После просмотра первого номера программы — классического степа на музыку Фреда Астера — «Наташам» предложили снять брюки и рубашки и остаться в... трусах и белых фраках. Без штанов, но в шляпах! Точнее — в цилиндрах. Предполагалось, что белые перчатки, тросточки и галстуки-бабочки... на голых шеях прекрасно

дополняют костюм!

Изящные платья на египетский танец рекомендовалось заменить импровизированными фиговыми листочками и серебряными поясками. Массивных головных уборов с длинными ушами «сфинксов» по мнению дирекции, было вполне достаточно. От подобного умопомрачительного предложения девушки наотрез отказались, сославшись на условия контракта, где о выступлении topless не было и речи.

Удивленно выслушав отказ, от просмотра остальных номеров дирекция воздержалась.

Похоже, и здесь они не сработаются. Эх! Зачем только выкинули столько денег и сил, по ночам расшивая камнями и блестками без того дорогие костюмы? С каким трудом по знакомству доставали в пошивочных мастерских самого большого в стране театра настоящие фраки, манишки, цилиндры, роскошные русские сарафаны, кокошники?! За границу ехали, дуры! Кто оценит их труд и старания за этой границей?!

Девушек отправили приводить себя в порядок, готовиться к вечернему выступлению.

* * *

В зале негромко звучала приятная джазовая

музыка. Пианист — явно не новичок — музыку не просто любил, жил в ней. Атмосфера ночного клуба с сомнительным родом деятельности его ничуть не смущала, не отвлекала от собственной вдохновенной игры. Происходящее вокруг вообще мало интересовало маэстро.

Публика собиралась солидная. В основном мужчины. Точнее, только мужчины. Среди них не было португальцев с мозолистыми руками и обветренными лицами, как в кабаре у Алекса. Деловые костюмы, крахмальные воротнички, галстуки. В воздухе витали тонкие запахи хорошей туалетной воды и... денег. С постулатом «деньги не пахнут» Лёля была решительно не согласна.

Хозяйка, туго затянутая струящимся шелком, встречала гостей у входа, рассаживала за столики, принимала первый заказ. За стойкой бара над алкогольными эликсирами колдовала высоченная девица с деревянным лицом и отсутствующим взглядом. Все тихо-мирно, с легким налетом театральной роскоши.

Шоу-программа начиналась выступлением «Русских Наташ»...

«Фред Астер» прошел на «ура». Публика была приятно удивлена участием в программе профессиональных балерин из России.

В то время любые «русские» в этой

крошечной стране считались экзотикой. Чем-то вроде белых медведей, прибывших оттуда, где на карте мира расплзлось огромное белое пятно, обозначенное четырьмя буквами — «СССР». Местные жители, незнакомые с кириллицей, читали их как латинские. Получалось — «ЦЦЦП». Закономерно возникал вопрос: что это значит?

Однако слава русского балета докатилась и сюда. «Кировский» на гастроли ещё не приезжал. «Наташи» оказались первыми ласточками, случайно залетевшими в эту сказочную страну гномов, где очень скоро бизнес по поставкам «живого товара» из России и бывших соцстран станет популярным, девочки из Восточной Европы войдут в моду.

Пока же наши балерины-первопроходцы оказались единственными участницами программы, действительно умеющими танцевать. Остальные танцовщицы о танце, как таковом, имели представление лишь на первичном инстинктивно-рефлекторном уровне. В России их немедленно бы уволили по профнепригодности. Но техникой обольщения они владели в совершенстве. Разноликие красавицы извивались, как змеи, соблазняя пускающих слюни клиентов стриптизом, шокируя откровенностью.

Лёля была воспитана в высоконравственном и высокоморальном советском обществе, поэтому

испытывала сложные противоречивые чувства, наблюдая из-за кулис, как «античная богиня» легким движением руки срывает свободно задрапированный хитон и продолжает работать с ним, как тореадор с плащом, стараясь довести до кондиции и без того разъяренных «быков».

Кожаная женщина «Batman», видимо, пытаясь изобразить какие-то особые отношения со своей плеткой-двухвосткой, хлестко ударяла себя по голенищам, выделявая такие вещи, от которых у Лёли самопроизвольно открывался рот, а лицо искажалось гримасой брезгливого любопытства. Batman периодически поворачивалась к залу лакированной черной спиной и широко расставив ноги наклонялась вперед. Нежно-розовая дыра, призывно светящаяся между талией и верхним краем ботфуртов, магически приковывала взгляд абсолютным бесстыдством.

Вдруг чугунная рука легла на плечо:

— Hello, baby! — на уровне глаз улыбался алый рот блондинки-бразильянки. Он был настолько огромен, что казалось, висел в пространстве сам по себе, отдельно всего прочего. Лёля почувствовала себя Алисой в стране чудес.

— О! Наше личное КГБ! — Катя, стоявшая рядом, не очень-то удивилась внезапному появлению «коллеги». — И она тут! С чего бы?

— It's me! — бразильянка послала «Наташам»

воздушный поцелуй и выпорхнула на сцену. Длинный хвост лазурно-голубых перьев, переливаясь в лучах прожекторов, волочился следом.

Суть её номера заключалась в оболыщении стула, на который она бросала нескончаемые подъюбники, юбки, боа, постепенно освобождаясь от многослойного оперенья. Вокруг летал пух и пыль, выхваченные из темноты разноцветными софитами. Вихрь искрящихся брызг сдувал со столов картонное меню, салфетки, очки и прочие легковесные мелочи. Наконец, злостная искусительница бросила в общую кучу перьев расшитый камнями бюстгальтер, обнаружив роскошную загорелую грудь, прикрытую лишь мягкими прядями длинных волос. Клиенты нетерпеливо заерзали в предвкушении близкого финала. Кокетливо спрятавшись за спинку стула, шалунья, наконец, сдернула последний предмет женского туалета и игриво покрутила им над головой.

Публика взвыла.

Тут-то и увидела Лёля, стоявшая за кулисами, то, чего зрители в en face разглядеть не могли.

Там, где обычно у женщин ничего нет, у этой все было...

— Ой, мамочка! Это же гермммм-а-афродит! — задохнулась Лёля, в одно

мгновенье пережив психологический шок, вызванный советской непросвещенностью.

— Трансвестит, — уточнила Катя, удивляя спокойствием и готовностью ко всему. — Будет тебе, Ленка, девственницу из себя строить. Привыкай! В жизни ещё не такого насмотришься!

«Голубая птица» подхватила ворох перьев-воланов, «стыдливо» прикрываясь и утопая в пене из кружев, ускользнула за кулисы.

Зал оглох от собственных рукоплесканий.

* * *

Опытные «сотрудницы» кабаре не успевали обслуживать многочисленных клиентов. «Ночные бабочки» порхали от столика к столику, стараясь никого не обойти вниманием. Особым спросом сегодня пользовались «Русские Наташи». Это была триумфальная ночь дебютанток! Их разрывали на части, постоянно приглашая за столики, угощали шампанским и засыпали вопросами о коммунистах, Горбачеве и холодной войне. Каждый политически грамотный клиент старался засвидетельствовать дружеское почтение могущественному государству и его гражданам в лице наших «Наташ». Мужчины наперебой выкрикивали все подряд знакомые русские слова: «Рашин водка! Колькоз! Кароший

гёрл! Перестройка!»

Увы, девушки не могли поддержать беседу ни на одном из европейских языков.

Когда до подвыпивших мужчин, наконец, доходило, что русские барышни — «глухонемые», вся их буржуазная напыщенность исчезала. Вместо политической заинтересованности возникло непреодолимое желание убедиться, что русские женщины ничем не отличаются от остальных женщин планеты и состоят из плоти и крови, как все. Хотелось потрогать их руками. Заодно проверить, не спрятаны ли револьверы в чулках под юбками и портативные видеокамеры (обязательные служебные атрибуты сотрудников большевистских органов) в декольте.

Пионерский наряд простых советских девушек «белый верх черный низ» — блузочки с рюшечками и скромные юбочки — только раззадоривал местных любителей экзотики. Девушки едва успевали уворачиваться от потных жаждающих рук.

Из укромного уголка зала, где обычно отдыхали клиенты, желающие сохранить конфиденциальность, за девушками велось пристальное наблюдение. Хозяйка всячески пыталась выволить пленниц из назойливых объятий нетрезвых клиентов. Наконец, ей это удалось. Натужно улыбаясь, она повела «звезд» к

дальнему столику, шепотом повторяя: «Big boss, big boss»!

Чей это босс девочки так и не поняли, а слово «Big» вызвало невольную улыбку, когда им навстречу поднялся большеголовый коротышка, похожий на крота. За его спиной в полумраке угадывались два силуэта, по очертаниям напоминающие лесных великанов. Огонек свечи четырежды отразился в непроницаемых стеклах черных очков.

«Что же они видят в темноте через солнцезащитные очки?» — удивилась Лёля.

Коротышка жестом велел девушкам сесть, щелкнул пальцами в воздухе. На столе немедленно появилось шампанское в запотевшем ведерке со льдом. Хозяйский маменькин сынок лично откупорил бутылку.

Big boss неторопливо достал огромную сигару, принялся разминать пухленькими пальчиками. В темноте блеснул перстень с массивным камнем. В названиях и, тем более, в стоимости камней Лёля не разбиралась, но камень магическим образом приковывал внимание.

— Для кто ви работат? — простые русские слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Девушки оробели. Слово взяла старшая Катя:

— Мы... сами по себе... Вернее, у нас контракт с «International show production». С

господином Нико Хьюссом.

Коротышка помолчал, продолжая тискать сигару.

— Что вы умеет делать?

Он смешно картавил, но «Наташам» было не до смеха.

— Мы — профессиональные балерины. Умеем только танцевать, — Катя выделила слово «только».

Биг босс усмехнулся.

— Сколько вы получаете денги? — сигара, наконец, замерла, зажатая в кулак, похожий на полосатую дыньку-колхозницу. Рядом услужливо вспыхнул огонек зажигалки. Огромный силуэт качнулся вперед, случайно попав в полосу света, и тут же вновь растворился в темноте. Лёля поежилась.

В этот момент общее внимание привлек какой-то шум. Один из клиентов кабаре, еле державшийся на ногах, требовал вернуть ему «рашин гёрлс». Он рвался к столику Босса, бесцеремонно отталкивая хозяйку, грудью преградившую дорогу.

Коротышка ухом не повел, продолжая беседу:

— Ви мне подходит. Ви ехат со мной.

— Куда? — дрогнувшим голосом спросила Катя.

С ответом Босс не спешил. Повелительным

жестом велел девушкам выпить, сам едва пригубил.

Настырный клиент продолжал шуметь и хорохориться и, наконец, прорвав оборону, ринулся к столику коротышки.

Его ещё пытались удержать охранники заведения. Маменькин сынок с перепуганным лицом хватал дебошира за полы пиджака, громким шепотом стараясь урезонить и предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Девушки так толком и не успели сообразить, что, собственно, произошло. Сначала над головой полетели стаканы. Зазвенело разбитое стекло. Кто-то закричал. Огромное зеркало на стене вдруг осыпалось мелким градом. Мимо со свистом пролетали бутылки, разбиваясь вдребезги, заливая ковры и мягкую мебель пенящейся жидкостью. Высоченная барменша перемахнула через стойку, угрожающе зажав в руке разбитую бутылку.

Лёля наблюдала за происходящим совершенно отстраненно, будто в её мозгу отключился переводчик с внешнего языка на внутренний. Кто-то сильно дернул её из-под стола, стаскивая вниз. Она не сразу узнала Таню. Перепуганная подруга что-то кричала в ухо. Сухой крепкий звук раздался совсем рядом, словно об колено переломили огромный сук. Уши мгновенно заложило. Лёля ни за что бы не догадалась, что это стреляют.

Вокруг все рушилось с угрожающим треском и грохотом. Кто-то куда-то бежал, кто-то ругался на непонятном языке. Таня с силой трясла ничего не соображающую Лёлю, пытаясь привести в чувства, тянула к выходу. На четвереньках они поползли к двери, с трудом протискиваясь между столиками. Лёля вдруг уткнулась головой в чью-то волосатую грудь. Неизвестный тип с плачущим лицом сидел на полу в неестественной позе. Белая рубашка, безвозвратно залитая вином темно-бурого цвета, была по разорвана. Взгляд выхватил и навсегда зафиксировал в памяти единственную уцелевшую пуговицу, одиноко болтающуюся на тонкой нитке...

За спиной мощными раскатами гремел гром. Таня почему-то бросилась не к спасительной входной двери, а вверх по лестнице. Через три секунды она уже катилась по перилам вниз, предварительно столкнув по ступеням три тяжелых чемодана. К счастью, девушки так и не успели их разобрать.

Из противоположного конца коридора к ним уже бежала Катя. Не мешкая ни секунды, девушки подхватили багаж и пулей вылетели на улицу.

Темная BMW стояла на противоположной стороне улицы метрах в пятидесяти от подъезда. Паскаль едва успел выскочить из машины и открыть багажник, как девчонки уже преодолели

расстояние до машины и запрыгнули внутрь.

BMW рванула с места. Навстречу, озаряя предрассветный город сиреневыми всполохами и истошно завывая сиренами, неслись полицейские машины...

* * *

На следующий день в газетах, промелькнуло короткое сообщение:

«Доблестной муниципальной полиции суверенного государства вовремя удалось предотвратить угрозу криминальных разборок колумбийской мафии...»

Вот так просто...

2

Огромный невесомый глобус лежал на трех свободно вращающихся шарах как на могучих спинах китов-исполинов. Стоя посреди просторной гостиной, Игорь бездумно поворачивал голубой шар то одним боком, то другим, рассеянным взглядом цепляя названия хорошо знакомых и совсем чужих городов. Одни отзывались глухими ватными воспоминаниями, другие звенели

пустотой... За окном сердито фыркала и гудела Тверская-Ямская, привычно тужась и пыхтя, стараясь вытолкнуть неподатливую пробку из слишком узкого уличного горла. Чикаго... Женева... Веллингтон... Он всегда хотел иметь такой глобус, но даже в самых дерзких мечтах не мог предположить, что когда-нибудь будет мерить его расстояния не масштабной линейкой, а перелетами, количеством аэропортов и бутылок, опустошенных на бортах комфортабельных авиалайнеров.

Уральские горы были похожи на старый, плохо зарубцевавшийся шрам. Игорь провел пальцем по гладкому глянцевому хребту. Хороший глобус, но не тот, не настоящий. В краеведческом музее, куда он первоклассником прибежал после уроков, глобус был выпуклый, рельефный. Родные горы на нем были шершавые, бугристые и колючие, как хребет доисторического динозавра. Мама Игоря — в ту пору тридцатилетняя женщина со сливочной пеной взбитых кудрей — работала в музее старушкой: сидела сбоку от чудес на шатком деревянном стуле и не разрешала никому гладить облезлых лис с приплюснутыми мордами и пыльного косоглазого медведя. Пробегая мимо экспонатов, Игорь дежурно дергал лисицу за хвост и отправлялся в маленькую комнату-подсобку, где устраивался за хромящим на одну ногу столом

делать уроки, потеснив стеклянный графин с воткнутой в него скрученной поросячьим хвостиком кипятильника. Маме так было спокойнее — ребенок на глазах. Дома за мальчиком присмотреть было некому. Гулять он не любил, в компании сверстников всегда чувствовал себя изгоем.

Жили Вороновичи в одном из многочисленных спальных районов, ютящихся вокруг машиностроительного гиганта. Показушные «западные» башни новостроек, кое-как собранные из серых плит и битого стекла, нелепо торчали, устремленные в грязное небо. Окна многоэтажек зимой и летом были украшены цветными треугольниками молочных пакетов, выброшенных за борт в сетках-авоськах, тряпками, выбеленными ветром и хлоркой, и двуххвостыми джинсовыми флагами с полинялыми чернильными разводами. Скуластые лица здешних обитателей напоминали о географическом соседстве с Татарской и Башкирской автономными республиками, были некрасивы, словно изъедены ржавчиной. Вдоль бесконечных серых заборов тянулись стихийные рынки: согбенные бабки с высушенными северным ветром лицами предлагали товары, мало чем отличающиеся от пестревшего тут же уличного мусора. Казалось, они распродают последнее, чтобы добрать недостающую сумму на собственные

похороны.

Завод, однако, был жив. Каждый день в половине седьмого вечера два человеческих потока синхронно ползли друг навстречу другу, застревая и тормозя возле мрачного зарешеченного магазина, где продавали спиртное на разлив. Возвращаясь с работы и стараясь успеть до пересменки, Игорь с мамой покупали удивительно свежий хрустящий батон и бутылку молока. Дома мама доставала из сумки вяло-розовый кусок докторской колбасы, купленный с переплатой у завхоза Семеновны, чья золовка (производное от слова «ловкая», Игорь был уверен) работала продавщицей в том же магазине. И не было в мире ничего вкуснее толстого бутерброда с молоком!

Лето в их городке обычно выдавалось скудным, скорее похожим на разогретые на солнечной сковородке остатки прошлого года. Огромная лужа в форме Южной Америки посреди двора никогда не высыхала. Игорь ненавидел эту лужу, старался обходить стороной. Дворовые мальчишки не раз загоняли его по щиколотку в чавкающую, лоснящуюся бензиновыми разводами грязь. Сколько он себя помнил, его всегда недолюбливали. Подспудно чувствуя слабость и незащитность, при каждом удобном случае задирали, обзывали, лупили без видимой причины. Заступиться было некому — Игорь рос без отца.

Точнее, где-то он был, отец, но спрашивать о нем у мамы или бабушки не имело смысла. Обе отмалчивались, либо отвечали односложно: «Подрастешь — узнаешь». В доме не было ни одной вещи, ни одной фотографии, которые бы доказывали, что отец вообще когда-то существовал. В семье царствовало странное забвение, будто память заморозили до лучших времен.

Учился Игорь посредственно, без особых усилий. Наскоро разделавшись с бестолковыми заданиями, брался за книжку. Читал все, что попадало в руки.

— Ничего не понимаю, — расстраивалась мама, — вроде, уроки учит регулярно, а результат едва-едва удовлетворительный. Может, он у нас неспособный?

— Да ему просто скучно, — вступалась за внука бабушка. — Вот найдет свой интерес в жизни, быстро выучится всему, что сочтет для себя полезным.

Злейшим врагом семилетнего Игоря был восьмиклассник Серый — известный хулиган и бузотер. Весь двор его боялся и уважал. Игорь — ненавидел. Не за обиды свои ненавидел, не за унижения. За собственную трусость. Серый не был подрастающим классическим банбюганом с рано оформившимися бицепсами и большими лапами в темных мозолях, набитых о деревянные доски и

кирпичи. Скорее — клоуном, что не менее опасно. Мелкий пацан с тонкими ручками, на которых рукава застиранной футболки полоскались черными пиратскими флагами. Злой на весь мир, агрессивный и непредсказуемый, как затравленный зверек, случайно выпущенный из клетки. Герой не для драки, скорее для провокации. Дрались за него преданные псы из стаи, науськанные и выдрессированные плюгавым вожаком. Игоря колошматили просто так, за безответность.

Все изменилось в одночасье, когда однажды прибежав после уроков в музей, он не застал на работе мамы.

— Уволилась, — недобро блеснув очками, сообщил директор растерявшемуся мальчику.

— Домой беги, Игорёк, — шепнула толстая и добрая тетя Клава-уборщица, давняя приятельница Игоря. — Тебя уж там, поди, заждались.

Еще ничего не понимая, он со всех ног припустил домой.

В кухне за столом сидел очень худой осунувшийся мужчина с глубоко посаженными колючими глазами, тонким птичьим носом и впалыми щеками. Темная рубашка, словно военная гимнастерка, была наглухо застегнута до последней пуговицы. Мама возбужденно хлопотала вокруг. Увидев Игоря, мужчина тяжело поднялся из-за стола навстречу:

— Ну, дай посмотрю на тебя, сын...

* * *

С того дня началась совсем иная, новая жизнь. Мать действительно ушла из музея и теперь целыми днями занималась хозяйством, сыном, собой. Из старушки-сиделки она вдруг превратилась в статную красивую даму на тонких высоких каблуках. Всегда сероватое, будто слегка припудренное музейной пылью лицо светилось мягким внутренним светом. В её гардеробе появились модные платья, сумочки, кокетливые цветные косынки.

О том, где был и чем занимался отец все эти годы, в семье не говорили. Закрытая тема. Устраиваться на работу он не спешил. Первую неделю вообще сидел дома, смотрел телевизор, в основном новости, перебирал огромную кипу каких-то неизвестно откуда появившихся бумаг.

Они — отец и сын — много говорили в эти дни. Точнее, говорил Игорь. Отец задавал бесконечные вопросы, и сын охотно рассказывал о школе, учителях, одноклассниках и их родителях, о маме, её знакомых, подругах и бывших коллегах, о соседях, управдоме и ворчливой дворничихе с её колченогой собакой. Отца интересовало всё и вся.

Он не одобрял, что Игорь до сих пор не записан в спортивную секцию, что у него совсем нет друзей, как то настороженно радовался близости матери и сына, неторопливо объясняя, что мама — это, конечно, мама, но она, прежде всего женщина, её нужно любить, уважать, оберегать и защищать. Мужчина должен быть самостоятельным и сильным, чтобы никогда и никому не дать в обиду ни маму, ни себя самого.

К концу недели отец куда-то уехал. Его не было целых три дня. Игорь бесцельно слонялся по двору, просто так. На самом деле — ждал отца. Надеялся увидеть его первым, побежать, подпрыгнуть, на глазах у всего двора повиснуть на отцовской шее.

Слух о том, что его отец «воскрес», облетел соседние подъезды в первый же день. Отца еще никто не видел, но мальчишки уже опасались приближаться к Игорю, лишь издали выкрикивая обычные свои обидные глупости. Игорь не реагировал.

Вернулся отец ночью, долго о чем-то разговаривал на кухне с мамой. Она плакала или смеялась, Игорь спросонья не разобрал, как ни прислушивался. В конце концов, уснул под их мирный домашний шепот.

Теперь отец уезжал довольно часто. «В командировку», — говорила мама и не проявляла

ни малейшего беспокойства.

К ним тоже стали приходить гости. Мама накрывала щедрый стол, потчруя друзей отца свеженьким да горяченьким, с пылу с жару. В ней неожиданно обнаружилась отменная хозяйка. Визитеры много и вкусно ели, почти совсем не пили, хотя бутылка на столе неизменно присутствовала. Наверное, потому что не пил отец. Угрюмые и немногословные, эти люди к отцу относились с явным почтением, будто был он здесь не просто хозяином, а старшим по званию. Игорю это было приятно.

Стараясь следовать наставлениям отца, во время его отлучек сын особенно внимательно следил за мамой, провожая в магазин, помогая тащить тяжелые сумки, искренне веря, что в случае чего, сумеет не дать её в обиду. Однако подлые сомнения нередко заползали в душу коварными пауками тревоги. И не без оснований. Защитить себя самого у Игоря пока не получалось.

Маленький тяжелый фонарик — подарок отца — как раз помещался в карман, радостно и волнительно оттягивая брючину. Светил далеко и мощно, как пронзающий луч маяка. Увидев фонарик, одноклассники, раньше вообще не замечавшие Игоря, прониклись к нему внезапным уважением.

Однажды на большой перемене, когда Игорь

спешил в пропитавшуюся смешанными запахами хлорки и кислого борща школьную столовую, перед ним, словно из-под земли, выскочил Серый.

— Покажи фонарик дяденьке, деточка, покажи, сука, — фальшиво загундосил он, сложив на груди ручки как уличный попрошайка.

Глубоко запихнув в карманы стиснутые кулаки, ощущая гладкую холодную поверхность фонарика, Игорь стоял посреди рекреации неподвижным каменным идиолом, нервно сглатывая соленый ком страха. Сердце вдруг наполнилось тяжестью, будто фонарика теперь было два — в кармане и в сердце. С разных сторон, зажимая в кольцо, его уже обступали бойцы Серого. Они не спешили, двигаясь вразвалочку, лениво похрустывая костяшками разминаемых пальцев. Не выдержав тягучего напряжения, Игорь дернулся в сторону и тут же угодил в чьи-то цепкие лапы. Он бешено замахал руками, как поршнями бездумной машины, не ощущая в пространстве плоти противников, будто их естество состояло из одной огромной дыры, куда и угождали мелкие игоревы кулаки. Его скрутили, как резиновый жгутик. Грубые руки полезли в карманы, врывая их с мясом. Об голову Игоря будто разбили банку с красной краской. Внезапно он оказался на земле, увидел заплывающим глазом, как разлетаются, словно помойные голуби, грязные потертые

подметки.

Стало тихо. Тишина тугая, как футбольный мяч, постепенно напитывалась влагой и темнотой. Игорь попытался вдохнуть, но легкие обожгло болью. С трудом разлепив глаза, будто смазанные слоем жидкого клея, увидел две параллельные башни толстых ног завуча Раисы Станиславовны, втиснутые в тупоносые черные туфли на низком широком, как сруб столетнего дерева, каблуке. Игорь попытался пошевелить руками. Правую кисть сводило судорогой. Круглая рукоятка фонарика сладко холодила ладонь.

Мать, увидев лицо сына, похожее на баклажан, треснувший под чьим-то каблуком и пустивший почему-то томатную юшку, ахнула, побежала в ванную за аптечкой. Отец поманил пальцем, покрутил сына в разные стороны, внимательно рассматривая ссадины и синяки, прощупал ребра. Игорь вскрикнул.

— Расскажешь? — только и спросил.

Игорь мотнул головой.

— Как знаешь, — не стал настаивать отец. —

Не маленький уже.

* * *

С возвращением отца их квартира будто раздалась в боках, расширилась, незаметно наполняясь неброскими, но такими красивыми и нужными вещами. Первым исчез старый покалеченный шкаф, занимавший ровно половину комнаты. На его место встал изящный комод на гнутых ножках, над которым повисло огромное

зеркало в золоченой раме. Затем появился уютный торшер на длинной ножке. Вместо хлипкого коврика с оленями на стене под ноги лег густой мягкий красавец-ковёр. Небольшое пространство кухни заполнила компактная встроенная мебель с вытяжкой и бесшумным, всегда полным холодильником, вытеснившим из угла старый, вечно пустой ворчливый «Север». И множество «всяких безделушек», как говорила, улыбаясь, мама о новеньких блестящих кастрюльках, пузатых хрустальных бокалах, пушистых махровых тапочках и халатах, полотенцах и прочей милой ерунде, заполнившей дом. Мама, как девочка, радовалась армии флакончиков, баночек-скляночек, нарядными рядами выстроенных на полочках в ванной, в одночасье покрывшейся, будто чешуей, прохладным матовым кафелем теплого кофейного цвета.

В старой маминой шкатулке, инкрустированной перламутровыми ракушками, теперь хранились непростые украшения, которые она носила умело и с большим достоинством. Однажды Игорь увидел, как папа застегивает переливающееся ожерелье на её склоненной шее, приподняв аккуратно уложенную волну новой прически. У мальчика сжалось сердце. Он вдруг отчетливо понял, что между этими двумя самыми близкими ему людьми существует тайна, которой

они в любой момент могут отгородиться от мира и от него, Игоря. Он так испугался, что неожиданно для себя вдруг заплакал, не в состоянии объяснить, что, собственно, произошло. Родители удивленно смотрели на раскрасневшееся от слез абсолютно несчастное лицо сына и мама, присев на корточки и обхватив руками лохматую детскую головушку, принялась утешать его, мгновенно спугнув свою тайну.

— Что приключилось-то? — довольно сухо и как будто немного раздосадовано поинтересовался отец, глядя на их идиллию.

Признаться, что плачет от простой мальчишеской ревности, было невозможно. Да и вряд ли Игорь сам понимал, в чем дело.

— Серый... — проскулил ребенок, требующий в этот момент только одного — родительского утешения.

— Опять этот гад над нами издевается! — запричитала мама. — Никакой жизни от него нет!

— Ну-ка, поподробнее, — распорядился отец, беря Игоря за плечо крепкими сухими пальцами и отводя в сторону. — Рассказывай. Только по-мужски, без соплей. — Он выразительно посмотрел на маму и та, опустив глаза, вышла из комнаты, оставив мужчин наедине.

Обрадовавшись возможности скрыть подлинную причину слез, Игорь принялся

жаловаться на Серого, выкладывая все начистоту и даже почти не привирая. По мере изложения фактов травли и потасовок он все больше и больше распалялся и, в конце концов, так себя накрутил, что сам испугался, неожиданно осознав, какой силы ненависть и злость скрывались в глубине души. Как сильно он, оказывается, желает мести, расправы, справедливого наказания врагу.

— Ты же проучишь его, папа, ты же дашь ему, дашь, дашь? — Игорь молотил невидимого противника, кулаки глупо летали в пустоте.

Отец смотрел внимательно, слегка прищурившись.

— Ты должен сам, — неожиданно жестко произнес он. — По понятиям. По справедливости.

— Сам? — опешил Игорь. — По справедливости? А то, что я в первом классе, а он в восьмом — это справедливо?

— Возраст здесь ни при чем.

— Но я маленький, — мальчик задыхался от негодования. — С ним эти бугаи. Они просто убьют меня! Тебе не жалко родного сына, не жалко да? — он был близок к истерике. Поведение отца расценивалось как предательство.

— Главное, не сила, — отец смотрел в упор. — Главное — победить свой страх.

От этого взгляда Игорь вдруг успокоился, задышал ровнее.

— И ещё... — отец, видимо, обдумывал нечто важное, что должен был сказать сейчас сыну. — Пойдем.

Он резко поднялся и, взяв в прихожей связку ключей, вышел из квартиры, беззвучно прикрыв дверь. Игорь семенил следом.

Спустились в общий подвал. Поплутав между рядами захламленных деревянных клетушек, подошли к неприметной, но крепкой двери.

В кладовке обнаружилась целая мастерская. Вдоль стен высокими рядами громоздились ящики с инструментами, шурупами, гвоздями. Аккуратные мотки проволоки, шнура, веревки висели на массивных крючках. Полный порядок и даже относительная чистота.

— Что это за станок? — почему-то шепотом спросил Игорь, осторожно поглаживая холодный бок незнакомого механизма и зачарованно разглядывая отцовскую каверну Али-Бабы.

— Слесарный, — тоже шепотом ответил отец. — Для работы по металлу.

Он выдвинул один из железных ящиков, покопался, достал узкий длинный предмет, зажал в широкой ладони.

— Когда один человек ни во что не ставит другого, — глухо заговорил он, пронизывая сына взглядом, — унижает, не считая достойным противником, есть сила, страшнее слов, и даже

страшнее кулаков...

Тусклая лампочка под потолком вдруг погасла. Из темноты мгновенно полезли страхи, проникая внутрь и мерзко щекоча ледяными щупальцами в районе солнечного сплетения. Скользкие змейки ужаса заструились по щуплой спине Игоря, превращая все его существо в напряженный сгусток трусости.

Отец одним движением подкрутил лампочку, она вспыхнула неожиданно ярко. Наваждение вмиг отступило.

— Эта сила поможет убить твой страх, — продолжил отец, похоже, не заметив испуга сына. — Но применять её можно только в крайних случаях, когда противник сильнее и ты точно уверен, что это тебе не просто кажется, — он покачал в руке тяжелый предмет, взвешивая. — Держи, но помни — самооборона, а не нападение. Возможность приструнить, поставить на место, а не искалечить. Иначе — беда!

Он медленно разжал пальцы. На сухой ладони с шершавыми орехами мозолей лежала обычная слесарная стамеска.

Воспользоваться ею Игорю пришлось лишь однажды, когда псы Серого в очередной раз зажали дрожащего первоклассника в тупике. На кирпичной стене за спиной безобразными монстрами

расползались буквы граффити. Игорь сунул руку под куртку, где была воткнута за ремень смертоносная спасительная железка. Этого жеста хватило, чтобы перевернуть всю настоящую и выстроить всю будущую жизнь юного Вороновича. Словно в замедленном кино он наблюдал, как меняется выражение глаз Серого, скорее интуитивно почувствовавшего, чем реально осознавшего близкую опасность, как расступаются испуганные псы, не понимая смысла приказа вожака, но не смея ослушаться.

Кровь пульсировала в висках. Казалось, голова сейчас лопнет, как перекачанный воздушный шар.

Серый смачно плюнул с затяжкой, длинная струйка слюны зависла в воздухе и, не долетев нескольких сантиметров, свернулась в пыли безобидным сопливым червячком возле новеньких блестящих ботинок Игоря...

Он пришел в себя только когда крепкие спины вояк, прикрывающие нервную худую спину Серого, скрылись в кустах осыпавшейся сирени.

* * *

Для Игоря началась новая, вполне самостоятельная жизнь.

С мамой он по-прежнему ладил. Мамина любовь была чем-то незыблемым и неоспоримым, принадлежащим ему раз и навсегда, что бы ни случилось. Отношения с отцом носили совсем иной характер. Ревность улеглась как-то сама собой. После памятного погружения в подвальную тьму, они словно стали соучастниками общего секретного дела, о котором не знал никто. Даже мама. Прежде всего — мама! Теперь у отца с сыном была своя, мужская тайна.

Работал отец простым дворником. Где он бывал и чем занимался в свободное время, Игорь по-прежнему не знал. Однако в гости к ним нередко наведывались солидные люди. Кое-кого Игорь узнавал — видел по местному телевидению на трибунах во время парадов и демонстраций 1 Мая и седьмого ноября. Их почтительное уважение к отцу лишь подтверждало смутные догадки мальчика о том, кем на самом деле был отец. Но думать об этом совсем не хотелось.

Вскоре Вороновичи переехали в частный сектор, в старый, но крепкий, недавно отремонтированный дом. А еще через полгода отца назначили директором бумажно-целлюлозного комбината. Гости стали бывать чаще. Их блестящие черные машины, припаркованные во дворе, казались мальчику пришельцами из иного мира. Однажды приехал сам Певец — достопочтенный

господин с густой черной шевелюрой (тогда еще не париком). Гладкий, лощеный, моложавый. Спустия много лет, слушая этого многоуважаемого долгожителя эстрады по телевизору, Игорь поражался его способности сохранять вечную молодость, не поддаваться влиянию времени. Отца уже давно не было на свете, а эта ходячая мумия, словно накачанная живительным бальзамом, все пела звучным, нестареющим голосом на всю страну:

Что бы ни случилось ты, пожалуйста, живи...

Отец воспитывал сына в строгости. Лишнего не позволял, но и самостоятельности не лишал. Жестко спрашивал за учебу. За двойки, пусть нечастые, наказывал, но никогда не лупил. Игорь и сам не заметил, как из тихого троечника превратился в твердого хорошиста с пятерками по точным наукам. Физика и математика давались легко.

Он быстро рос, незаметно вырослел. Вокруг окрепшего подростка собралась шумная предприимчивая компания. Бегали на грязную речку. Нырjali с подвесного, напрочь прогнившего моста. Катались на товарняках, тяжело тащившихся мимо железнодорожного вокзала, пыхтя и обливаясь потом технических сливов. Плавали по

ледяному даже летом радоновому озеру ранней весной, едва сходил снег, воткнув в резинку трусов булавку на случай судорог. Рисковать много и бессмысленно было нормой поведения.

Уральские озера — вещь особая. Если взглянуть с самолета, кажется, что видишь дуршлаг. Только дырки разной величины. Одни озера соединяются тайными нитями подземных вод, другие — многодонные, илистые, бесконечные — имеют в глубине внутренние ямы со своими источниками. Утопленников здесь не находили никогда. Эти коварные озера и их окрестности мальчишки покоряли одно за другим, следуя маршрутами дедов и прадедов — угрюмых уральских старателей. В походах шла проверка на стойкость и выносливость, формировался жесткий мужской характер.

Городской пляж был любимым местом отдыха горожан. Пацаны приставали к девочкам-ровесницам из соседней многоэтажки. Этих хихикающих под полотенцами принцесс с лягушачьими ртами, большими розовыми коленками, смешными прыщиками недавно вылупившихся грудок и молодыми неприязательными телами не стоило, например, учить танцевать — напрасная трата времени. Зато каждая из них, в отличие от барышень из приличных семейств, могла преподнести любому

подростку ценный урок простых житейских наук.

Свою территорию, своих девочек отстаивали в драках, кровью и синяками доказывая ценность рабочих кварталов — своей малой родины. Ни один философ не постиг той меры одиночества, какая грозила местному пацану, если он решался отречься от родного болота. Никому из них и в голову не приходило сказать, что не милы ему эти улицы с покореженным асфальтом, серые от пыли тополя, тоннами разбрасывающие докучные хлопковые ошметки, камуфляжные сетки проводов, провисающие над головами. Все это следовало любить и защищать. В результате промзоны рождали патриотов. Уральских парней увозили в Афганистан, Карабах, Приднестровье, зная — эти не подведут!

По осени командой подряжались копать соседям картошку на участках в пять соток или ямы в гаражах для хранения той же картошки и банок с соленьями. По мелочи тырили из «своего» гастронома, не подпуская близко чужих. Зарабатывая кое-какие деньги, чувствовали себя взрослее и увереннее.

Отец смотрел на эти заработки сквозь пальцы, и только когда в соседнем районе происходило что-то более серьезное — поджог киоска, квартирная кража, нападение на старушку — сурово спрашивал: «Ты?» Получив отрицательный

ответ, больше вопросов не задавал. Верил сыну безоговорочно. Игорь и не врал отцу: авторитет был слишком велик.

Вот уже несколько лет Игорь занимался троеборьем, ежедневно тренируясь до седьмого пота, упорно и самоотверженно. Однако серьезные занятия спортом все же оставляли достаточно времени, чтобы руководить своей командой. Под их контролем были уже пять городских торговых центров. Пришлось, правда, повоевать с татуированными, бригадир которых — пэтэушник Пашка-Башка — оттачивал на пацанах бандитскую технику «давить глазами». У Игоря эта его манера вызывала приступ глухой злобы и желание сокрушить не только Пашку, но и захваченный им магазин. На одной лишь ярости он отмутузил Башку в общественном туалете, непонятным образом запихав его лысую голову, похожую на боксерскую перчатку, под ржавую трубу, где она и застряла в неестественной позиции. Однако Пашка недолго ходил неотомщенным. После разборок с его татуированной братией Игорю пришлось обратиться к услугам дантиста — старого знакомого отца. Отец и на этот раз смолчал, сделав вид, что ничего особенного не произошло.

К тому времени магазинная романтика уже изрядно подвыцвела. Да и время подошло как-то определяться в жизни. Игорь всерьез подумывал о

карьере профессионального спортсмена, когда перед очередными всесоюзными соревнованиями его «забраковала» медкомиссия, поставив жирную точку в личном деле.

Игорь растерялся — как же так? Что теперь?

Тогда отец, призвав сына на разговор, сказал просто:

— Езжай в центр, поступай в политехнический. Специальность выберешь сам.

3

За окнами старенькой BMW в лучах восходящего солнца мелькали миниатюрные луга с пасущимися стадами белоснежных, словно ангелы, коров небывалых размеров, шахматные доски желто-зеленых полей, виноградники, карабкающиеся по склонам... Все вымытое-вылизанное, трогательно ухоженное. Рай земной, да и только!

Ехали довольно долго, миновав десяток деревень, торчащих в небо тонкими и длинными шпилями церквушек. Повсюду добротные каменные дома феодально-средневекового типа с круглыми башенками, витражами и балкончиками, яркие фасады, разноцветные клумбы, зеленые изгороди.

Остановились в лесном кемпинге на берегу

симпатичной речушки с плотинами и мостиками, похожими на театральные декорации.

Первоначальный план, предложенный Паскалем и Генрихом, заключался в том, чтобы как можно быстрее подыскать какое-либо пристанище для горемычных артисток, желательно подальше от столицы, и спрятать их хотя бы на первое время. Требовалось организовать побег. Что девушки будут делать, оказавшись на нелегальном положении, никто пока не представлял. Там разберемся. Во всяком случае, оставаться в притоне «блудных фей» было невыносимо.

Ночная перестрелка потребовала стремительных действий. Бегство оказалось блестящей импровизацией.

Camping car — дом на колесах — принадлежал троюродному кузену Генриха. На каких условиях Генрих снял у родственника лесные «апартаменты» девушки не знали, но по тому, как он возмущался, разговаривая по телефону, заподозрили, что вряд ли даром.

В небольшом с виду домике-вагончике обнаружили две спальни, гостиная с диваном, ковром и самым настоящим камином. Правда, газовым. В кухне нашлось все, о чем в те годы могла только мечтать российская хозяйка, от микроволновой печи до электрической кофеварки.

Генрих сварил кофе. Пили молча. Языковой

барьер тяготил. Переживания минувшей ночи ещё не улеглись. Полная неизвестность и осознание беспомощности не позволяли расслабиться и насладиться тишиной солнечного утра. В воздухе невидимой свинцовой тучей висело тягостное напряжение.

— Ну что, авантюристки, на первый раз пронесло? — нарушила молчание Катя, исподлобья взглянув на подруг, как-то странно улыбаясь. — Не вижу радости на постных лицах!

— Чему радоваться? — обычно бойкая и жизнерадостная Татьяна сейчас была настроена весьма пессимистично. — Лучше скажи, что нам теперь делать в лесу без денег и документов? Не можем же мы повесить наши проблемы на плечи этих парней.

Катя взглянула на растерянных, но хорохорящихся перед девушками Паскаля и Генриха и неожиданно вытащила из сумочки три тоненькие синенькие книжечки...

— Мы — профессиональные карманники — свое дело знаем! — широко улыбнулась она. — Эти картонки достались мне, можно сказать, с риском для жизни и колоссальными убытками: пришлось пожертвовать аж тремя шпильками!

— Зачем? — не поняла Лёля.

Маленькая росточком Катя смотрела свысока.

— Ящик письменного стола в кабинете

хозяина на замке оказался...

* * *

Жизнь в лесном кемпинге на берегу крошечной речушки текла спокойно и размеренно. Но не было ни денег, ни работы, ни перспектив. Лишь тягостное ожидание непонятно чего.

Каждый вечер после трудового дня герои-спасители Генрих и Паскаль проделывали неблизкий путь, чтобы навестить девушек, нежданно-негаданно свалившихся им на голову и «висящих» теперь на шее тяжелым грузом ответственности.

Привозили продукты, журналы. Трогательную

заботу проявила сердобольная мама Генриха, которая регулярно присылала затворницам домашние супчики и котлетки в эмалированных кастрюльках и пластиковых коробочках.

Чтобы не выйти из формы, девушки ежедневно устраивали утренние пробежки, умывались речной водой и изнуляли тела классическим станком — балетными упражнениями, используя для опоры деревянные перила длинного крыльца.

Отдыхающие кемпинга с удовольствием собирались на бесплатные концерты. Не каждый день удается увидеть воочию, как занимаются настоящие живые балерины.

Потом просто сидели на солнышке, листая разговорники. Каждая думала о своем. Мозги, находясь в постоянном напряжении, работать отказывались и иностранных слов не запоминали.

Ждали Паскаля и Генриха.

Ужинали вместе. Умудрялись как-то общаться, замечая, что день ото дня понимать друг друга становится все легче. Каждый вечер ребята уезжали домой, ни разу не посетовав на дальнюю дорогу или усталость. На ночь в кемпинге не оставались, боясь двусмысленности положения.

И хотя хорошенькая Лёля явно нравилась Генриху, и он не прочь был завязать роман, первый шаг сделать не решался. Слишком деликатная

сложилась ситуация, слишком многим девушки были обязаны своим спасителям. Отношения не предполагали простого, ни к чему не обязывающего флирта, а женитьба пока не входила в планы молодого человека.

Все случилось как-то естественно, само собой. Подруга-интуиция оказалась права.

* * *

Домик был снят на три летних месяца. Генрих и Паскаль — начинающие риэлторы, не так давно вступившие во взрослую трудовую жизнь, — выложили за него все свои нехитрые сбережения. Кузен по-родственному скидок не делал.

Дальше нужно было что-то придумывать. Возвращаться домой побежденными, не хотелось. Да и денег на три билета ребятам было не наскрести. Найти работу, даже сезонную, оказалось не так-то просто. Услышав, что милые девушки — русские, работодатели начинали подозрительно крутить в руках советские паспорта и задавать вопросы, на которые ни ребята, ни сами девушки, отвечать были не готовы. Пару раз приходилось упрашивать владельцев ресторанов и гостиниц, куда беглянки надеялись устроиться официантками, посудомойками, уборщицами — неважно кем, не звонить в полицию, где те намеревались выяснить,

на каких условиях они имеют право принять на работу граждан Советской России. Попытки трудоустройства пришлось прекратить — слишком опасная игра с огнем.

Рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. В этой стране было не принято одалживать деньги ни у друзей, ни у родных. Да и не у кого оказалось. Паскаль воспитывался бабушкой, которая теперь жила в доме престарелых и сама нуждалась в его заботе и помощи. Родители Генриха — автомеханик и домохозяйка — жили просто и небогато.

Неопределенность тяготила все больше...

К концу лета в Советском Союзе грянули события, перевернувшие ход истории вспять.

Воспользовавшись политической неразберихой, по совету все тех же Паскаля и Генриха наши беглянки, преодолев страх и поборов сомнения, попросили политического убежища.

Через полтора месяца, пройдя сквозь тернии бюрократической волокиты и изрядно потрепав себе нервы, молоденькие Таня и Лёля получили... отказ, от ворот поворот.

К всеобщему удивлению выяснилось, что в свои двадцать пять Катя уже имела кое-какие «разногласия» с советской властью. Подробностей никто так и не узнал, но она получила «добро», то есть разрешение жить и работать в Цвергбурге на

законных основаниях.

Таня вернулась в Россию. Ребята скинулись на билет.

А Лёля...

Возвращаться было не к кому и незачем. Институт окончен. Перспектив найти прилично оплачиваемую работу по специальности — никаких. Дома — мама. А что мама... Отец ушел от них, когда Лёле было шесть лет. Мама воспитывала её одна. Жили скромно, дружно и весело. После поступления дочери в институт мама неожиданно и счастливо вышла замуж. В их маленькой однокомнатной квартирке поселился хороший, но чужой мамин муж.

В какой-то момент Лёля поняла, что единственная возможность остаться в этой стране — выйти замуж.

Что же касается Генриха, трудно сказать, действительно ли он влюбился, но он был хорошим мальчиком, воспитанным в католической семье и имел кое-какие понятия о мужской (или женской, пойдя теперь разберись) чести и человеческом долге.

В сентябре молодые подали заявление в местный ЗАГС.

В декабре сыграли свадьбу.

В тот день с раннего утра в дом втаскивали огромные кадки с фикусами и горшки поменьше с геранями — свадебные подарки от соседей и дальних родственников, от деревенского мясника, чьей постоянной клиенткой была мама жениха, от старенького пастыря, когда-то крестившего маленького Генриха. Ни одного букета обычных живых цветов! Лёля тихонько плакала от мещанской несправедливости, а свекровь, искренне удивлялась: глупо выбрасывать деньги на ветер, покупая цветы на три дня. Лучше — на всю жизнь.

На здании коммуны, где проходила свадебная церемония, развивался трехцветный флаг. Жизнерадостный и остроумный свекор уверял невесту, что в связи с бракосочетанием интернациональной пары на крыше государственного здания вывесили новый флаг свободной России. Лёля покраснела от патриотической гордости, забыв уточнить порядок расположения полос. Она и не предполагала, что триколор существует не только в родной стране, но испокон веков известен в мировой вексиллологии². Гостей забавляла её юношеская наивность.

² Вексиллология — историческая дисциплина, занимающаяся изучением флагов, знамён, штандартов,

Официальная церемония заняла пятнадцать минут. Коммунальный бюрократ в джинсах и сером свитере по фамилии Фиш скороговоркой прочитал по бумажке все, что положено. Лёле никто ничего не переводил.

В самый ответственный момент она сказала «да» на чисто русском языке.

Свадебный ужин был организован в доме родителей жениха. Ресторан оказался непозволительно дорог. Маме и отчиму невесты так и не удалось полюбоваться красавицей-дочерью в подвенечном наряде: визу оформить не успели.

В доме было весело и шумно. Гости непринужденно общались на родном языке, изредка обращаясь к невесте по-французски. Леля скучала.

Новобрачный Генрих в разгар веселья закрылся в туалете с лучшим другом Паскалем и на робкие призывы молодой жены отвечал гробовым молчанием. Леля заподозрила неладное. Тогда муж впустил растерянную жену в тесное, заполненное едким дымом пространство туалетной комнаты, и, улыбаясь, предложил «fumer un joint»³ в их чудной компании. Лёля испуганно отказалась, не

вымпелов и прочих предметов подобного рода.

³ Fumer un joint (фр.) — «раздавить косячок».

очень точно понимая значение слова «joint». Но услышанный впервые запах навсегда вошел в подсознание сигналом тревоги.

Единственная подруга со стороны невесты — элегантная и холодная Катя — плакала в уголке на протяжении всего праздника, не простив Лёле исхода их общей авантюры. Грустный свекор просидел возле неё весь вечер, но так и не выяснил причины слез.

По окончании всей этой тягомотины — свадебного застолья — закрылись, наконец, в спальне. Лёле хотелось упасть и забыться. Но брачное ложе оказалось усыпано слоем поваренной соли сантиметра в три толщиной и прикрыто одеялом для маскировки. В этой стране тоже существовали «веселые» традиции. Здесь тоже умели шутить.

«Неужели это и есть тот самый пуд, который предстоит съесть вместе с мужем? — с тоской думала молодая жена, горстями ссыпая соль в мусорное ведро... Просто-напросто сменить постельное белье не хватило ума. Лёля будто впала в предлетаргическое состояние, когда мозг уже спит, все действия замедлены, а реакции на любые раздражители отсутствуют вовсе... — Господи! Что же я наделала, Господи!..»

Областной центр — полуторамиллионный город — встречал знакомыми силуэтами дымящих труб. Только завод здесь был не один, а много. Игорь без труда сдал вступительные экзамены в политех и с легкостью и оптимизмом влился в студенческое братство, откуда через пять лет должен был выйти в свет молодой специалист физик-ядерщик. На ядерную физику был самый большой конкурс, сюда поступали самые умные, избранные. Игорь бросил вызов собственной удаче и выиграл.

Закрутилась студенческая жизнь. Вместе с напутствием от отца Воронович получил толстую пачку денег, перевязанную тонкой резинкой, для оплаты съемной квартиры на год вперед. Отец считал, что сын не должен жить в общежитии.

Первый курс был проглочен как слоеный пирог, чередующий лекции, семинары и пьянки — пьянки, семинары и лекции. Учить нужно было много, преподаватели поблажек не делали. Но и пили студенты много, впервые вырвавшись из-под родительской опеки. К концу года выстроилась очередь претендентов на отчисление. Игорь стоял одним из первых. Приехать к отцу не солоно хлебавши, было невысказано. Он поднажал, под омофором благоволившей к нему удачи пересдал все предметы и закрыл задолжности. Впредь

следовало быть осторожнее.

«Сердечные дела» молодой Воронович решал просто, без особого напряжения и эмоциональных затрат, регулярно меняя подружек, ни к одной не прикипая душой. О любви не тосковал, считая вечную влюбленность исключительной прерогативой женщин.

* * *

Отец умер внезапно. Сердце. Инфаркт.

Хоронили с почестями, достойными членов правительства. Организацией похорон занимались друзья отца. Мама была не в состоянии даже двигаться. Её водили под руки Игорь и старая тетя Клава — уборщица из музея. Мама казалась не живым человеком, а замороженной ледяной бабой.

Народу на похороны пришло много. Очень много. Респектабельного и почитаемого криминального авторитета провожал в последний путь фактически весь город.

А через год слегла мама, отказываясь жить в этом мире без отца. Еще через полгода Игорь похоронил её на городском кладбище под старой березой рядом с отцом и бабушкой, которой не было на этой земле уже три года.

* * *

Неожиданно осиротев, Игорь растерялся. Пытаясь убежать от одиночества, перебрался к ребятам в общежитие, пустился во все тяжкие. В один из запойных дней, когда он спал на узкой студенческой койке в очередной раз прогуливая лекции, его нашел некто Аверьянов — хмурый мужчина средних лет, назвавшийся другом отца. Никогда раньше Игорь не видел этого человека с низко, как шапка, надвинутым лбом и густыми бровями, скрывающими и без того глубоко посаженные глаза.

Аверьянов привел его в небольшой тихий ресторан из дорогих, налил водки — опохмелись. Под тихие всхлипы музыки долго расспрашивал о том, о сем. Чем Игорь думает заниматься в будущем? Что умеет? Что любит — не любит?

Игорь отвечал пьяно и, кажется, не очень внятно. Аверьянов вернул его в общежитие, но на следующий день появился снова, велел прийти по такому-то адресу в ближайшую субботу. К субботе студент Воронович проспался и в назначенный срок прибыл на встречу.

* * *

Он продолжал учиться в институте, а в свободное время теперь бегал по городу, выполняя курьерские поручения Аверьянова: разносил и развозил большие и маленькие свертки, посылочки, передачи. Это могла быть пачка почти пустых конвертов без марок, содержащих в нижнем углу какие-то мелкие предметики, колющиеся через бумагу как канцелярские кнопки. Её нужно было вручить веселой старушке пиратского вида, живущей в большой профессорской квартире в сталинском доме на проспекте Ленина. Иногда приходилось тащиться за город в трясущемся стылом автобусе с длинным, похожим на обернутые бумагой лыжи свертком в руках, разыскивая садовое хозяйство «Петушок». Содержимое пакетов Игорю было неизвестно, вскрыть и полюбопытствовать и мысли не возникало. Иногда он пытался на ощупь определить, что именно везет в кармане или сумке. Закрывал глаза и старался представить ощупываемый предмет. Но чаще всего это была простая бумага — переписка, которую не желали доверять официальной почте.

Время шло. Он уже учился на пятом курсе и писал диплом, когда Аверьянов пригласил его к себе домой, что было странно: в этой среде в дом никого не приглашали.

Жил Аверьянов в старом обветшавшем районе. Единственная комната в его квартире, где не признававший кухонных чаепитий хозяин аристократично принимал гостя, была похожа на вытянутый пенал, самовольно стиснутый по бокам обнаглевшими соседями. Уровень этой недвижимости явно не соответствовал финансовым возможностям Аверьянова.

— Где собираешься осесть после диплома? — спросил хозяин, подливая в чашку Игоря крепкий чай цвета густой смолы, который, едва остыв, тут же начинал горчить.

— Куда распределяют, — пожал плечами Игорь. — Выбирать не приходится.

— В Москву поедешь, — сказал Аверьянов так, будто вопрос распределения был уже решен. — Ты нужен мне там.

Игорь удивленно вскинул брови. Их институт молодых специалистов в столицу не направлял. В Москве хватало своих ВУЗов и квалифицированных выпускников.

— Я позабочусь, — заверил Аверьянов.

* * *

Следующие несколько месяцев Аверьянов вводил парня в курс дела. Это были первые уроки

построения частного бизнеса, о котором в те годы в России еще никто и не мечтал.

Система существования организации Аверьянова была создана по принципу холдинга. Шеф выделял лидера и через него управлял другими, даже лично ему не известными людьми. При этом соблюдалась конспирация, к которой Аверьянов имел природные способности, подобные, по-видимому, способностям музыкальным или математическим. Конспиративные квартиры, где он встречался со своими людьми и его люди встречались между собой, можно было посещать годами, принимая своих же коллег и партнеров за случайных соседей по подъезду. Стандартные усики или бритые щеки, очки, кепки, грязные ботинки... Псевдожилыцы в поношенных костюмах фабрики «Пролетарка» выглядели очень убедительно. Аверьянов умудрялся отследить и предусмотреть каждую мелочь. Его система работала на бизнес весьма эффективно. Что это был за бизнес, Игорю пока не объяснили. Но судя по его собственной зарплате — дело более чем доходное. Таинственность же организации особенно волновала и притягивала. Казалось, что рядом с Аверьяновым Игорь кардинально отличается от себя институтского. Здесь он был другим, сильным и успешным человеком. Осознание того факта, что Аверьянов

приблизил его к себе, сделал из него не просто мальчика на побегушках, а «посвященного» и теперь готовит к новой работе в масштабе столицы, льстило, кружило голову, вселяло надежды на какое-то неожиданное и необычное будущее.

Аверьянова убили весенним вечером, когда они вдвоем выходили из подъезда, в котором жил гениальный конспиратор. Расстреляли прямо у Игоря на глазах. Сам Воронович уцелел лишь благодаря молниеносной реакции и многолетним спортивным тренировкам. А, может, просто убивать не хотели...

Перестройка в стране шла полным ходом, но до лихих девяностых было еще далеко. Случай заказного убийства в городе был редкостью, местная милиция шумихи не поднимала...

А вскоре в стране случился Чернобыль. Студентов-ядерщиков пятого курса отправили в двухмесячную командировку, выдав дипломы досрочно, без факта защиты и выпускного бала.

5

Семейная жизнь оказалась делом непростым. Зарплаты Генриха молодой семье катастрофически не хватало. Но Лёля не была избалована, и шиковать не привыкла. Жили с родителями Генриха общим домом, общим столом. Свекры к

русской невестке относились по-доброму, с пониманием.

Лёля устроилась работать в детскую балетную школу и, хотя платили не много, самостоятельно заработанные деньги радовали и грели душу.

Через несколько месяцев, поднатужившись, купили подержанную, но вполне приличную машину. Унаследовав от отца страсть к механике, Генрих теперь возился с автомобилем, как с любимой игрушкой, копаясь в моторе или полируя капот.

В один из солнечных воскресных дней решили выбраться за город на природу, к озеру.

Генрих вел машину легко и уверенно. Отец с юношеских лет обучил сына вождению.

Узкая лесная дорога поднималась вверх. Озеро уже было рядом — с горки спуститься. Из леса неторопливо выполз огромный лесовоз, нагруженный длинными бревнами, и, развернув большелобую тупую морду, медленно покати́л навстречу легковушке.

«Странно, — подумала Лёля, — разве лесники работают по воскресеньям?»

Солнечные блики, пробиваясь сквозь листву и беззаботно резвясь, слепили глаза. Многотонный грузовик неожиданно легко набирал скорость. Генрих полез в бардачок за темными очками.

Все, что происходило дальше, Лёля помнила

плохо. Ужасающий скрежет тормозов... Могучие бревна, рассыпающиеся в разные стороны, словно игрушечные палочки микадо... Дикий грохот. Удар.

И тишина...

...Она пришла в сознание через сутки.

В больничной палате было светло и тихо. Снаружи в окно билась толстая пчела, мечтающая полакомиться спелой черешней на подоконнике. Все те же веселые солнечные зайчики скакали по потолку, играя в бесконечные догонялки. Будто ничего не случилось, ничего не произошло.

Вошла медсестра, старательно улыбнувшись, сказала: «Повезло. Ни одного перелома, только царапины и ушибы».

О том, что она — вдова, Лёля узнала позже.

На следующий день в телевизионном репортаже бойкий журналист, смакуя подробности, рассказывал о жуткой аварии на лесной дороге, о доблести врачей и пожарных, прибывших на помощь в рекордно быстрые сроки. На экране среди сосредоточенных лиц спасателей вдруг мелькнуло знакомое лицо. Лёля не сразу сообразила, кто этот человек, стоящий поодаль. Его присутствие в лесу в десятках километров от города именно в этом месте в этот час казалось невозможным и неестественным. Ветер шевелил остатки седых

кудряшек на его затылке, брови были сурово сдвинуты к переносице, редкие усики топорщились над приоткрытой губой... Спины пожарных, вытаскивающих из-под завала изуродованный корпус легковушки, то и дело заслоняли его. В какой-то момент камера наехала почти вплотную. Застывшими глазами навывкате на Лёлю смотрел менеджер международной компании «International show production» господин Нико Хьюсс.

Несколько месяцев Лёля жила у родителей Генриха. Видеть постоянно плачущую свекровь, потерявшую единственного сына, было невмоготу. Лёля сама едва справлялась с горем. Но если у свекров были еще две взрослые дочери и четверо внуков, что, конечно не могло служить утешением, Лёля осталась совсем одна, в чужой стране и чужой семье.

Едва оправившись от шока, она с необыкновенным упорством взялась за освоение языков, записалась на ускоренные курсы, училась, проходила стажировки. Работа хореографа была слишком ненадежным занятием: малейшая травма могла лишить заработка.

Сдав необходимые экзамены и получив дипломы, вскоре она уже работала мелким клерком в солидном и респектабельном банке. Должность обеспечивала пусть небольшой, но стабильный доход, кое-какие жизненные гарантии, сулила вполне реальные перспективы. Руководство ценило деловые качества обаятельной сотрудницы, владеющей помимо привычных европейских языков ещё и русским. Россия на международном рынке набирала обороты, все прочнее укрепляя позиции. Русский язык входил в моду.

Вечерние уроки танцев и фитнеса приносили дополнительные доходы и позволяли оставаться в прекрасной форме.

Разумеется мужчины не оставляли без внимания хорошенькую русскую девушку с грустными глазами. За ней периодически пытались ухаживать то начальник отдела кадров — тучный, даже зимой потеющий весельчак, то случайный красавец бармен, виртуозно владеющий техникой липкого взгляда, чаще всего «приклеенного» к бюсту и ягодицам посетительниц бара. Она нередко получала цветы, презенты и приглашения на ужин. От приглашений мягко, но решительно отказывалась, букеты и сувениры принимала благодарно, но равнодушно. В мечтах она рисовала замки надежд и искренне верила, что когда-нибудь обязательно в них поселится. Когда-нибудь и в её жизни будет просторная гостиная с камином, топот босых детских пяток, лохматый пес с тапочками в зубах и запах мандаринов под Новый год. Мечты своей простодушной стеснялась. Вдова не имеет права мечтать о простом женском счастье. Почему? Вряд ли она смогла бы дать ответ.

Нередкими бессонными ночами, лежа с открытыми глазами, Лёля смотрела на светящийся циферблат часов, измеряющий давление времени, и ей казалось, что пульсирующие цифры издеваются над ней, стремительно набирая скорость, разгоняясь

все больше и больше, убегая вперед, унося в никуда её настоящее. Наваливалось злобное отчаяние, хотелось бросить все и сбежать домой, в Россию. Там — жизнь, там родные! А здесь... Что теперь здесь? Скорбные лица свекров, ни на минуту не позволяющие забыть о трагедии. Вдовья постель. Бесконечная работа. И для разнообразия — редкие посиделки с приятельницами, которые, искренне сочувствуя и переживая, только и делают, что лезут с глупыми советами: «Ты должна найти кого-нибудь и начать новую жизнь». Вот именно — кого-нибудь. Зачем ей «кто-нибудь»? Она вообще не готова к новым отношениям. Нет, конечно, подруги не предлагали предать забвению прошлое. «Нужно жить дальше! — убеждали они и, едва проглотив ванильное пирожное, спешили домой к сытым мужьям и розовощеким детям с красными, похожими на божьих коровок, простудами на губах. Лёля снова оставалась одна...

Тоска все чаще навевывалась в гости, а вскоре и вовсе поселилась в её однокомнатной квартирке, которую она теперь снимала, сбежав от родителей Генриха.

Нужно было заставить себя выйти из затянувшегося ступора, постараться стряхнуть с плеч бремя одиночества. Сердце ныло без любви и простого человеческого тепла.

Порой, решив бросить вызов судьбе, она шла

гулять по старому городу, лениво греющему массивные каменные бока на не слишком щедром центрально-европейском солнышке. Незнакомцы проезжали и проходили мимо. Лёля напряженно вглядывалась в лица, пытаясь узнать *его* — мужчину своей мечты, отца будущих детей и владельца собаки, живущего в доме с камином. Но каждый раз натыкалась на какую-нибудь досадную мелочь, криком кричащую: «Не он!» Слишком пустые, блеклые, словно вымоченные в молоке глаза. Слишком жгучий, пробирающий до костей запах туалетной воды. Слишком жесткая фальшивая улыбка. Все было не тем, не правильным, не её.

Она так ждала своего единственного мужчину, что однажды он ей приснился. Родной, до боли.

Во сне она мучительно старалась узнать его, услышать имя. Не узнала. Лишь явно ощутила присутствие рядом. И счастье. Полное, всепоглощающее, какое бывает только во сне.

Проснулась в волнении, четко понимая, что это был именно тот, кто ей так необходим, о ком все эти годы стонет душа.

Несколько дней ходила сама не своя. То смеялась без причины, то сердилась на весь мир. Даже плакала украдкой. Но теперь она точно знала — он есть. Он живет где-то на этой планете, нужно

просто его найти. Хотелось счастья не во сне, а на самом деле.

* * *

С той ночи Лёля решила — пришло время что-то менять. Наверное, пришла пора покончить с затворничеством.

Она стала чаще появляться на людях, больше

не оказываясь от приглашений на дни рождения и прочие торжества. Иногда бывала на выставках, концертах и даже в кино. Веселее жить не стало. Просто теперь одиночество было будто не её собственным, а общим. Одиночество в толпе. Толпе чужих...

Однажды на вернисаже именитого российского художника в центре русской культуры приятельница Аллочка представила ей некоего благообразного господина довольно преклонного возраста с подтянутым лицом, коротко остриженной густой сединой и мальчишеским чубчиком. Эта стрижка, выглядевшая чудаковато и умилительно, позволяла предположить, что в более молодые годы дедуля не чуждался экстремального дизайна и был, пожалуй, хорош.

По сведениям Аллочки, он был вдов и искал среди русских красавиц достойную партию. Перечислив его официальные регалии, Аллочка принялась нашептывать Лёле что-то о его недавнем высокопоставленном прошлом, принадлежности не то к политическим, не то к артистическим кругам Цвергбурга, откровенно намекая, что это партия — что надо! Глядя на желто-лимонный галстук-бабочку и такой же шелковый платок, торчащий из кармана фиолетового велюрового пиджака, Лёля только умиленно улыбалась, немедленно окрестив потешного господина

«попугаем». Несмотря на столь неожиданно ярое оперение, был он несуетлив и обходителен. Мягкие манеры, глубокий, проникновенный голос выдавали в нем потомственного аристократа. Он взирал на мир любопытными глазами-гвоздиками, озаряя пространство многообещающей улыбкой доброго волшебника.

Весь вечер забавный старичок развлекал новую знакомую рассказами о приватном «шатишке»⁴ на севере страны, об уникальной коллекции полотен русских художников, собираемой им в течение многих лет, о своих крупных инвестициях в российскую экономику, что, очевидно, давало ему повод рассчитывать на особую благосклонность русских женщин, надо полагать, и Лёли в том числе.

Угощая девушку шампанским, он время от времени опускал сухую ладонь на её круглое колено, будто невзначай. Она рассеяно слушала, отодвигая колено и стряхивая назойливую руку. До замка ей не было никакого дела. До его владельца тем более.

Соврав, что замужем, Лёля попыталась ускользнуть от навязчивого ухажера. Прищурив проницательные глазки, тот позволил себе

⁴ Искаженное от фр. *château* — замок.

высказать сомнения по этому поводу.

«Неужели у меня на лбу написано: не замужняя, никому ненужная?» — думала Лёля, чувствуя, как непрошенные слезы катятся по щекам.

Решив, что он тому виной, господин «попугай» вызвал машину и велел шоферу отвезти расстроенную барышню домой. Прощаясь, вложил Лёле в руку визитную карточку. Она сунула её в сумочку и достала уже возле подъезда вместе с ключами. «Вагон Замагон, член-корреспондент... почетный член... заслуженный член партии... ассоциации... и ещё чего-то там...». Нашла ручку и на обратной стороне приписала по-русски: «Барон Замарён — член ассоциации заморенных попугаев».

Ночью ей приснился остров в океане, над которым, утопая концами в воде, коромыслом перекинулась радуга. На радуге как синицы на проводах, нахохлившись, сидели серые невзрачные попугаи. Их было так много, что казалось, радуга не выдержит и вот-вот переломится пополам. Шел дождь. Вода, просачиваясь сквозь разноцветную дугу, лилась на землю яркими потоками, образуя спектральные лужи. Попугаи вдруг загалдели, чем-то недовольные, закричали человеческими голосами. Лёля никак не могла разобрать слов, напрягалась, вслушиваясь в птичий гомон. «По-п-пугай-по-п-пугай-по-п-пугаю...» — кричали пернатые задиры.

Неожиданно перед самым носом возник косящий круглый глаз.

— Поп-пуга-аю! — басом заорала птица Лёле прямо в лицо, широко разевая беззубый клюв.

Лёля отпрянула, попятилась, отступая.

Вытягивая телескопически удлиняющуюся шею, попугай преследовал Лёлю, продолжая орать:

— Говор-рил попугай поп-пугаю...

— Я тебя, поп-пугай, поп-пугаю! — хором откликнулись птицы на радуге. И вдруг захохотали, в приливе внезапной радости принялись дружной гурьбой соскальзывать по дуге, как по горке, на хвостах, как на салазках. Плюхнувшись в цветную лужу, они, словно водоплавающие, уходили под воду, а вынырнув, отряхивались с головы до хвостов, как собаки, превращаясь из серых в фиолетовых, салатных, бордовых и даже золотых.

Попугай с телескопической шеей искупался последним и вынырнул, как Иванушка-дурачок из котла, писаным красавцем цвета фуксии.

— Говор-рил поп-пугай поп-пугаю! — истошно вопил он.

— Я тебя, попугай, попугаю! — пробасила в ответ Лёля, сделав страшные глаза и выставив вперед когти, как злой и страшный серый волк. — Знаю-знаю вашу считалочку! — пугала она заморскую птицу, ощущая себя участницей детского шоу по мотивам сказок народов мира. —

Вовсе она и не страшная!

— Стра-ашная! Стра-ашная! — по-змеиному шипел ярко-розовый красавец и в тот же миг начал увеличиваться в размерах, расти, на глазах превращаясь в гигантскую фигуру, затмевающую полнеба. Он зловеще навис над Лёлей темной тучей. Яркие краски внезапно потухли. Цветная картинка сменилась черно-белой. Последняя надежда на то, что этот сон совсем не страшный, теплившаяся в сердце из-за обилия радужных цветов, окончательно исчезла. Ощущение холодной тревоги стремительно заполняло душу.

Стая попугаев испустила победный вопль. От этого звука у Лёли заложило уши. Она инстинктивно зажала их ладонями и даже зажмурилась, а когда открыла глаза, было утро.

Мягкий ветерок трепал легкие цветные шторы. Сунув ноги в тапочки, Лёля подошла к распахнутому в лето окну.

Внизу у подъезда чирикали цвергбургские воробьи, очевидно обсуждая последние новости. Уборщица, домыв ступеньки крыльца, принялась драить жесткой щеткой асфальтовую дорожку, ведущую к подъезду, обильно поливая её мыльным раствором. Потревоженные воробьи взвились в воздух. Один, прочертив на лету замысловатую фигуру, приземлился на Лёлин балкон.

— Я тебя, попугай попугаю! — грозным

шепотом пообещала Лёля воробью и отправилась звонить Аллочке.

— Слушай, ты не знаешь, к чему снятся попугаи? — загробным голосом поинтересовалась она. Смутное беспокойство, вызванное неприятным сном, не отпускало.

— Попугаи? — задумалась Аллочка. — Подожди, сейчас посмотрю... Так-так, попугаи... — приятельница зашелестела страницами невидимого Лёле сонника. — Вот. Попугай является олицетворением человеческой глупости. Если вам приснился обыкновенный попугай, следует быть начеку, в противном случае вы серьезно пострадаете от людской глупости.

— По-моему, я гораздо больше страдаю от своей собственной, — философски заметила Лёля.

— Если вам приснился попугай на воле, — продолжала читать Аллочка, — то в скором времени вам предстоит встреча со злобным, угрожающим вашей чести человеком.

— Моей чести? — хмыкнула Лёля. — Может, это барон Замарон — страшная угроза моей женской чести?

— Барон — душка! — запротестовала Аллочка. — Слушай, не перебивай. Если во сне попугай громко кричит, то такой сон предупреждает о большой опасности. Вам угрожает бандитское нападение.

— Только бандитского нападения мне и не хватало! — Лёлю начинали веселить заключения сонника. — А если попугаев было много и все они орали благим матом, это значит, нужно ждать бандитского нападения с последующим похищением, взятием в заложники и пыткой? — ей стало смешно. — Надо же такое придумать. Вот где налицо глупость составителей сего научного трактата.

— Подожди, — не унималась Аллочка. — Тут продолжение есть. — Увидеть во сне большое количество попугаев означает, что в реальной жизни вы выгодно выделяетесь на фоне окружающих вас людей. Вы очень умны и сообразительны для того, чтобы быть простым служащим...

— Ну, это другое дело! С этого бы и начинала. Может, мне повышения зарплаты у шефа попросить? Сказать, что мое бессознательное диктует необходимость...

— Увидеть во сне красивого «заморского» попугая, — будто не слышала её рассуждений увлеченная чтением приятельница, — знак того, что в реальной жизни вы будете всячески пытаться вернуть себе расположение влиятельного компаньона, доверие которого вы потеряли в силу собственной недалёковидности. Кстати, как тебе барон?

— Барон как барон, — вздохнула Лёля. — Попугаистый...

Барон позвонил около полудня. Но мера Лёля не давала, язык Алочки оказался действительно без костей.

— Как чувствует себя прекрасная Элен? — промурлыкал господин Замарон в трубку.

Лёля с удивлением констатировала, что его голос ей вовсе не противен.

— Кажется, — вкрадчиво начал барон, — я расстроил Вас вчера. Наверное, наговорил лишнего. Поверьте — исключительно по глупости.

Лёля улыбнулась.

— Может быть, Вы не откажете мне в любезности и поужинаете со мной? — продолжал барон. — Не сомневаюсь, нам есть о чем потолковать...

Он не давил и не настаивал, давая ей возможность самой принять решение.

И Лёля вдруг согласилась, сама не зная почему.

Вечером тоже же дня она подъезжала к отелю «Руаяль» на своем подержанном, но еще притком крепыше фольксвагене Гольф. Отыскивая свободное парковочное место, долго кружила по близлежащим улицам, рискуя опоздать. Но остановиться у входа, как это делали клиенты на

новеньких блестящих Мерседесах и BMW, передать ключи привратнику — паркуйте, cher monsieur! — не решилась.

По иронии судьбы встреча была назначена, в том самом отеле, где наивные русские барышни когда-то намеревались работать и где, прожив в Цвергбурге уже несколько лет, Лёля так ни разу и не побывала. Здешний ресторан слыл одним из самых респектабельных и дорогих в городе.

Сидя в роскошном зале с мраморными колоннами, помпезными старинными люстрами и тяжелыми бронзовыми подсвечниками, она чувствовала себя неуютно. Вышколенные официанты передвигались по лакированным паркетам восемнадцатого века со скоростью чемпионов-конькобежцев. Наблюдая за их работой, Лёля украдкой разглядывала себя в зеркальной стене, вдвое увеличивающей и без того гигантское пространство. Блестящая шелковая блузка, длинные янтарные серьги и кулон — мамин свадебный подарок, макияж... И темные круги под глазами, серый цвет лица, пугающий даже при неярком освещении... Она себе решительно не нравилась!

Нет, она не готова к новым отношениям. Ей еще нужно время... Время, которое лечит...

6

Ни в областной, ни, тем более, в родной захолустный город Игорь больше не вернулся. В суровом уральском крае его ничего не держало. Искать лучшей жизни в неприветливых рабочих городах было глупо.

На чернобыльской «передовой» — как они называли реактор, Игорь познакомился с Мишей Зенкевичем — веселым и общительным парнем из артистической семьи. Выбор профессии нового друга — сына известных на всю страну мамы и папы — был довольно странным. Но Миша не

жаловался, работал наравне со всеми и вообще не был похож на барчонка и маменькина сынка. Родился и вырос он в Ленинграде. Город свой боготворил и, в отличие от Игоря, уезжать никуда не собирался. Напротив, настойчиво приглашал в друга гости.

Сразу по окончании «атомной командировки» Игорь, недолго думая, в гости приехал. Тут то и выяснилось, что у Миши, есть сестра Валерия — тоже актриса, и служит она в Малом Драматическом театре.

Игорь выразил желание немедленно попасть на её спектакль. Билеты оказались все проданы, пришлось напроситься на репетицию.

Он сидел в зале и смотрел, как Валерия репетирует.

Есть актеры — лицедеи, способные к перевоплощению. Им доступны любые лица и характеры. Валерия играла себя как таковую. Цельная, чистая личность. Личность сыграть невозможно. Она либо есть, либо её нет.

Валерия произносила текст и видела со сцены Игоря, сидящего в зале. Он смотрел на неё, и ей это было приятно. Очень. Не просто играть, а играть для него — равнодушного.

Репетировали «Три сестры». Валерия играла старшую — Ольгу. Блеклые волосы, зачесанные вверх, блеклое платье — вся блеклая в отсутствии

любви. Младшую сестру Ирину любит Тузенбах. Машу любит Вершинин. А Ольгу не любит никто. Она ждет и не ропщет.

Валерия ждала свою любовь. И дождалась.

По сей день Игорь не мог понять, как все случилось, но уже через месяц они расписались с одобрения и согласия её родителей. Правда, предварительно молодые сообщили о двухнедельной беременности Валерии. Мама сильно всполошилась и зачем-то упекла дочь в больницу на сохранение на все месяцы якобы сложно протекающей беременности.

Новобрачный муж многомесячным отсутствием жены был удивлен, но расстроен не очень. Он просто-напросто не успел с ней даже как следует познакомиться. Да и скучать в одиночестве ему не позволяли: пока мама хлопотала о здоровье дочери, отец Валерии активно занимался трудоустройством новоиспеченного зятя. Кресло в профильном министерстве — не слишком удобное, но с перспективами — быстро нашлось. Всеми любимый, поистине «народный» тесть действительно имел большие возможности.

Работать Игорю было на удивление легко. Крепкие знания, полученные в институте, явились для начинающего сотрудника отличной базой, а горячий опыт «передовой» внушал уважение коллегам. Правда, Игорь не раз ловил на себе их

сочувственные взгляды: всем было известно о необратимых последствиях, грозящих здоровью тех, кто, побывал в аду реактора. Однако Господь оказался милостив. Ни Игорь, ни Миша не чувствовали никаких недомоганий, были активны, молоды и сильны, как и раньше.

А вот здоровье Валерии оставляло желать лучшего. Она оказалась слишком болезненной и слабой, чтобы выносить плод без проблем. Ей действительно пришлось лежать почти все девять месяцев, отчего она стала раздражительной и капризной, беспрестанно плакала, как работающая на нескончаемых батарейках кукла, брошенная в ящик с игрушками и там позабытая. Угроза выкидыша, по мнению врачей, на самом деле была велика.

Мальчик родился в конце апреля слабеньким, недоношенным. Он лежал в закрытом кувезе под специальными лампами, беспомощный, крошечный, и помочь ему сейчас могли только врачи.

Валерия больше не плакала, будто весь запас слез отошел с родовыми водами. Подолгу стояла у окна, глядя вдаль сухими глазами. В больничном саду бушевала весна, наполняя мир ароматами черемухи и сирени. А в палате пахло дезрастворами, хлоркой и еще чем-то приторным и

противным, отчего становилось муторно в желудке и на душе.

Малыша выходили, не без вмешательства заведующей педиатрическим отделением. Родители Валерии на подарки не поскупились.

* * *

У Игоря теперь снова была семья, полноценная, хлопотная. Женщина и младенец — его новорожденный сын. Иван. Ваня.

Нужно было учиться их любить, заботиться, холить и лелеять.

Валерия, истерзанная родами и маститом, с бескровным, словно инеем покрытым лицом, с первых дней совместной жизни вызывала в душе Игоря щемящую жалость. И только. Нечто подобное он испытал однажды в детстве, увидев на телевизионном экране инопланетное существо с огромными, полными неземной тоски глазами, погибающее в непригодных для жизни на чужой планете условиях.

Жена как сомнамбула передвигалась по комнате от супружеского ложа к детской кроватке и обратно, падала без сил, запрограммированная только на бесконечное кормление и короткий сон. Игорь помогал, как мог, неумело пеленая и

осторожно потряхивая кряхтящий кулек в непослушных пеленочных складках, басовито мурлыча что-то невразумительное про серенького волчка и его маму и папу, мечтающих только об одном — выспаться.

Изо дня в день, разделяя с Валерией общие хлопоты, Игорь даже по-своему привязался к жене, испытывая жгучую, почти болезненную благодарность за сына и за ни чем, как ему казалось, неоправданную и необъяснимую любовь к нему самому. Не понимая природы столь сильного её чувства, возникшего мгновенно и неожиданно в первый же день знакомства, он ни на минуту в нем не сомневался. И было неловко за то, что сам он не переживает ничего подобного, воспринимая Валерию как данность, оспаривать которую так же бессмысленно, как воевать с ветряными мельницами.

О том, что люди обычно женятся по любви взаимной, как-то не думал. Не до того было.

* * *

Ване исполнилось четыре, когда в их доме впервые появилась молоденькая студентка

ЛГИТМиКа⁵, где теперь работала располневшая после родов, постоянно болеющая Валерия, которой пришлось оставить театр и довольствоваться преподаванием актерского мастерства.

Жили Вороновичи в просторной квартире с большими окнами и высокими потолками, доставшейся Валерии от знаменитой бабушки актрисы, когда-то явленной театральному миру самим Товстоноговым. Студенты здесь были частыми гостями.

Помимо обычных занятий в аудиториях, Валерия нередко устраивала вылазки в парки и музеи — на натуру, где ученикам приходилось импровизировать в зависимости от места действия и антуража, выполняя задания увлеченного своим делом педагога. Походы в театр тоже были частью обязательной учебной программы.

После общих мероприятий дружной гурьбой вваливались к Вороновичам. Пили чай с вареньем и сушками, нередко засиживаясь допоздна.

Игорь любил эти посиделки. Молодежь была

⁵ ЛГИТМиК — Ленинградский государственный институт театра музыки и кинематографии им. Н. К.Черкасова, ныне Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства.

живой, любопытной, горящей. Хорошо быть молодым — бездна энергии, легкое тело, жизнь впереди, смерти нет, любовь — за поворотом. И поиск нового сценического языка — разговоры, разговоры. Здесь каждый — яркая индивидуальность. Сема Нагорный — музыкант от Бога, известный умением подчинить себе любой инструмент. Женя Старицын — мастер каламбура, прирожденный комедийный актер из породы шутов гороховых. Дима Сатин — философ и утонченный эстет, будто случайно забредший сюда из девятнадцатого века. Ребята постоянно сталкивались лбами в словесных поединках. Игорь тоже иногда спорил, выковыривая зерно истины. Чаще слушал, вглядываясь в разгоряченные лица, стараясь угадать, какое будущее ждет этих пылких юнцов-максималистов, а, может, и мудрецов.

В дом были вхожи далеко не все. Обостренным чутьем потомственной актрисы, чьи предки в совокупности отдали служению театру не один десяток лет, Валерия приближала лишь наиболее одаренных. Безошибочно распознавая в учениках зерно неординарности и таланта, она с первого этапа становления профессиональной карьеры трепетно отслеживала творческую судьбу своих подопечных.

К личному пространству Игоря и жена, и гости относились уважительно, переходя на тихий

шепот, если он работал или отдыхал в своей комнате.

Хрупкая, словно ваза тончайшего стекла — непревзойденное творение гениального стеклодува — большеглазая и большеротая первокурсница с неправдоподобно длинным горлышком-шеей в первый момент поразила Игоря своей абсолютной непривлекательностью. Прядь темных волос то и дело выбивалась из гладко зализанного балетного шиньона. Девушка поправляла её, почему-то смущаясь, будто непослушная прядь была одушевленным существом и ставила её в неудобное положение. Рядом с вызывающе яркими красавицами — будущими актрисами с самооценкой, раздутой амбициозными родителями и поклонниками до размеров индивидуальных вселенных, — эта казалась невидимкой. Несуразно юная, бестелесная она сидела на краешке стула — спина прямая, и внимательно наблюдала за уверенными в себе и своей неотразимости студентами-старшекурсниками, что сыпали остротами, как КВНщики высшей лиги. Красавицы, парящие в призрачных облаках собственных мирозданий, непринужденно кидали ответные реплики, а она молчала, не участвуя в общей веселой пикировке. Трогательная. Милая.

И только когда по настоянию Валерии она негромко запела, Игорь понял, почему эта

неприметная на первый взгляд девушка оказалась в компании избранных.

Гитара, ласкаемая чувственными пальцами Семы, струилась душевными переливами, а девушка пела простую старую песню. Длинные ресницы едва заметно вздрагивали в трепещущей темноте. Свеча беззвучно плакала стеариновыми слезами, боясь потревожить ровное и свободное течение глубокого низкого голоса, что лился словно из земных недр могучими потоками, берущими свое начало где-то далеко в горных ущельях, доступных лишь птицам. Вмиг заполнив пространство полуночной кухни, спящего дома, города, бесконечности, мощными струями удивительного голоса выплескивалась сейчас наружу накопленная веками боль земли русской, переданная этой тоненькой девушке многовековой генетической памятью предков.

Игорь слушал, взволнованный и потрясенный, чувствуя, как внутри неумолимо разрастается пылающий огненный шар. Сердце наполнялось предчувствием чего-то важного и неизвестно, но уже неотвратимого...

Глава вторая

Иллюзии

...Казалось, голова сейчас лопнет, разорвется на тысячу осколков, не выдержав напряжения.

Нет, у неё вовсе не болела голова. Просто оба виска тонким жалом неразрешимости нещадно пронзал банальный вопрос, набивший оскомину не одному поколению *homo sapiens*: «Что делать?»

«Классика! — думала Элен, сжимая виски. — Жизнь идет, а вопросы все те же. Меняются лишь действующие лица. Может, я — Вера Павловна двадцать первого века? Реинкарнированный Кирсанов? Или, как там его, революционер с татарской фамилией... Рахматов, Рахметов? Кстати, получила ли та честна я компания сколько-нибудь внятный ответ?... Что делать, черт возьми, что же мне делать?»...

Что делать... Два слова множились в арифметической прогрессии, вились змеиным клубком, с ужасающей быстротой заполняя все вокруг: что-делать-что-делать-что-делать... И так до бесконечности.

Сидя в душном до отказа набитом зале у самого подиума Элен терла виски, стараясь разогнать кишаций в голове «террариум». По «языку» неровной походкой крест-накрест слегка пошатываясь, двигались манекенщицы с непроницаемыми лицами и пустыми глазами,

словно пришельцы из иного мира, где люди бескровны, а пространство ирреально вытянуто. Проплывали анораксически усохшие бедра, бесстрастной наготой сверкали острые коленки, локти, лопатки.

Время от времени Элен выставляла вперед указательный палец и зажмуривала один глаз. Очередная модель исчезала, скрытая толщиной пальца, и снова появлялась, стоило только открыть глаз. Закрывая глаза поочередно, Элен любовалась переливающейся, как в детском калейдоскопе, мозаикой беспрестанно меняющихся картинок, тщетно пытаюсь сосредоточиться на происходящем.

На подиуме над каблуками, щиколотками, коленями и бедрами демонстрировалось нечто феерическое, ослепительно яркое и пышное, создающее радостную атмосферу праздника. Перья, блески, мишура... Вспыхивали и гасли искрящиеся бенгальские огни. Невообразимые павлиньи хвосты живыми шлейфами волочились за манекенщицами. Шляпы из искусно скрученных волос были подсвечены электрическими лампочками, скрытыми где-то в глубинах волосяных небоскребов, зацементированных тоннами гелей и лаков.

«Как им удастся удерживать эти монументальные сооружения на таких ма-леньких головках? — размышляла Элен. — Того и гляди

рухнут и башни, и их носительницы».

Тощие красавицы в коротеньких фиолетовых, алых и лимонных платьицах с обилием паеток и бисера игриво демонстрировали удачную комбинацию несочетаемых цветов, двигаясь по подиуму конвейерным потоком. На цыплячьих шейках звеня и побрякивая, болтались диковинные амулеты из бусин, колокольчиков, ракушек и стекла.

Музыка гремела и ахала, не могла заглушить злобное шипение в голове: «Ш-што делать, ш-што, ш-што ты будешь делать?»

Черные мальчики, сверкая розовыми ладошками, неистово стучали в пузатые бочки-барабаны. Страусиные, фазаньи, павлиньи перья самых причудливых цветов раскачивались на их головах в ритме зажигательной самбы. В цветном водовороте мелькали лица, наряды, краски, бесконечно смешиваясь, переливаясь, вытекая одна из другой.

Зал напряженно дышал, вибрируя в такт музыки, заводился все сильнее, откликаясь на каждый новый выход моделей взрывом аплодисментов, постепенно впадая в состояние эйфории от творящегося на сцене театрального буйства.

Сегодняшний показ мод проходил под звучным названием «Бразильский карнавал».

Мальчики исступлённо стучали в барабаны, выбивая бешеный ритм. «Что-делать-бум, что-делать-бум, что-де-лать-бум-бум-бум-бум-бум». Хотелось заткнуть уши и не слышать этого «бум-бум-бум».

А началось все со случайной встречи двумя годами ранее...

* * *

Она увидела его сразу, едва переступив порог бара, в который заглядывала иногда после работы с коллегами выпить чашку кофе. В следующее мгновение поняла — он! Вопрос, почему именно он, даже не возник. Просто он, и все тут!

За годы жизни в удивительной стране гномов Элен достаточно хорошо изучила застывшие местные обычаи, поэтому события не торопила, ждала, когда кто-то из общих знакомых представит их друг другу. Растягивая до бесконечности крошечную чашечку кофе, издали наблюдала за смуглым латиноамериканцем, окруженным толпой длинноногих прелестниц журнального образца. Любитель женщин? На то он и латиноамериканец. Темперамент — дело нешуточное. Кажется, он не выделяет никого из дам, стало быть, ни одна из них не приходится ему ни женой, ни подругой.

Свободолюбив? А, может, просто эгоистичен?

Он источал живую энергию, ощущаемую на даже расстоянии. Силой обаяния, словно мощный магнит притягивал счастливые жертвы, околдовывал-очаровывал и уже не отпускал. Безудержная животная страсть угадывалась в каждом движении, улыбке, в игривом блеске плутовских глаз. Жгучий красавец с глянцевой обложки, да и только! Типичный мачо.

Подобные типы никогда не нравились Элен. Почему же сейчас она не может оторвать глаз?

Но кто он? Кто?

Элен напряженно ждала.

Время тянулось. Волнение нарастало.

Полчаса.

Три четверти.

Час.

Наконец, их познакомили.

Что? Этого не может быть! Судьба издевается над ней! Орландо Гризман? Скандальная личность, пылающая звезда модельного бизнеса? Так молод? И так обворожительно хорош...

О приключениях неугомонного латиноамериканца был наслышан весь город. Газеты пестрели фотографиями и статьями о его очередных победах на международных конкурсах высокой моды и бесконечных расправах с журналистами. Кутюрье позволял себе нелестные

высказывания в адрес политиков, банкиров, членов правительства и был бессменным любимцем желтой прессы. Странно, что Элен сразу не узнала этого гламурного красавчика. Но еще более странно, что совершенно необъяснимым женским чутьем с первого взгляда распознала в нем своего мужчину, единственного и долгожданного.

Поверить в это было невозможно, но все уже случилось...

Его еще дергали какие-то случайные девицы, но Элен уже была рядом.

Он смотрел на неё неотрывно, слегка нахмурившись, будто о чем-то догадываясь, чему-то удивляясь.

Сердце неожиданно сбилось с ритма, запнулось, и вдруг бешено застучало в висках, в кончиках пальцев. Так долго сдерживаемая энергия вырвалась наружу, вспыхнула мощным столпом пламени, ударила в грудь, давая первый толчок, сдвигая с места и медленно-медленно раскручивая тяжелое колесо их будущей истории любви...

2

Орландо Гризман — автор и создатель только что отшумевшего на европейском подиуме «Бразильского карнавала» моды — покинул родную Латинскую Америку лет тридцать тому

назад. Его молодая мама-модельер в ту пору была полна сил и смелых надежд. Искренне веря в успех собственных начинаний, она приехала в благополучный Цвергбург в надежде открыть ателье по пошиву модной одежды, которое в будущем — кто знает? — превратилось бы в настоящий дом мод, способный составить конкуренцию Коко Шанель и Кристиану Диор. Она мечтала о Парижских и Миланских подиумах, о штате манекенщиц, стилистов и высококвалифицированных портных.

Начинать приходилось с малого. Амалия Гризман сама придумывала и отрисовывала модели, подбирала ткани, кроила, шила-вышивала. Однако незаурядное креативное мышление, потрясающая работоспособность и несомненный талант явились тем необходимым капиталом, который позволил мечте осуществиться. Ателье было создано и вскоре уже приносило хозяйке не только удовлетворение, но и вполне ощутимую прибыль.

Семье Гризман теперь принадлежал большой дом в центре города. Красивый, основательный, респектабельный. На первом этаже размещались ателье и закройные цеха. Огромные окна, много света и много места. На втором жила семья Гризман. На третьем размещались костюмерные и склад.

Нередко одухотворенный идеями юный

Орландо потеряв покой и сон, спускался в мастерские ночью и творил до восхода солнца. От матери он унаследовал врожденное чувство гармонии, формы и цвета, прекрасно рисовал. Его вдохновенная и неутомимая фантазия требовала постоянного выплеска. Эскизы будущего стилиста удивляли смелостью, росчерк карандаша был легок и точен.

На протяжении нескольких лет Амалия методично и терпеливо обучала сына премудростям портновского мастерства, готовя себе достойного преемника. Она доверяла Орландо все более сложные заказы, помогая ценными, точнее, бесценными советами. В какой-то момент еще молодая и привлекательная женщина вдруг активно занялась устройством личной жизни и постепенно совсем отошла от дел. Орландо стал полноправным владельцем самого известного и престижного в стране модельного дома «Grisman mode».

На этом, пожалуй, заканчивается та часть истории Орландо, которая соответствует общепринятому понятию «нормально». В остальном молодой стилист был безнадежно аномален, что во многом определялось его принадлежностью к миру моды. Непредсказуем, нестандартен, нетривиален и незауряден. Отрицательная частица «не» в отношении Орландо приобретала значение исключительности и

превосходства. Неотразимый, непостижимый и непревзойденный Орlando Гризман, позвольте представить — гений... Хотя, в мире сумасшедших творцов все без исключения — неподражаемые гении и неординарные личности. Небожители, которые, вскочив среди ночи, лихорадочно мечутся голышом по огромной гостиной в поисках карандаша, чтобы успеть записать (зарисовать), увековечить, сохранить для потомков промелькнувшую в полудреме гениальную мысль (эфемерный образ). А то вдруг заплачут ни с того ни с сего, вспомнив о чем-то особенно трогательном, поразившем воображение пару лет назад во время короткого путешествия (просмотра фильма, чтения книги и т. п.). Или же начнут рвать на себе волосы оттого, что промелькнувшая в толпе субтильная блондинка — длинная и гибкая, как вареная макаронина, лет двадцати трех от роду слишком стара для профессии манекенщицы, а, значит, безвозвратно утеряна для мира моды; где же он раньше был, почему вовремя не встретил эту красоту неземную?! Бешеный темперамент, взрывной характер, ранимая психика и трепетная душа — таким был Орlando Гризман.

Ему, например, ничего не стоило выгнать из репетиционного зала (что означало — из профессии!) любую, даже опытную манекенщицу, а на следующий день подобрать на улице случайную

девушку-подростка и в короткий срок сделать из неё звезду. Как только умудрялся разглядеть в этих замухрышках будущих королев подиума?

Его дом никогда не пустовал. Каким-то бесконечным иностранкам-нелегалкам, студенткам-практиканткам и еще Бог знает, кому предоставлялось бесплатное жилье и стол. Где он только находил этих несчастных? А, главное, зачем? Все они души не чаяли в своем покровителе и готовы были ради него идти в огонь и в воду. Разумеется, их присутствие вовсе не радовало Элен. Она не была наивна, чтобы не представлять характера отношений этих бездомных и безработных с хозяином и подлинную цену расплаты за его доброту. На какое-то время Элен затаилась, наблюдая за ситуацией издали, но с особым пристрастием. Вскоре пришлось признать, что помощь Орландо нуждающимся бедняжкам абсолютно бескорытна. Никаких интимных контактов! Тогда Элен предположила, что девицы расплачиваются с благодетелем трудом в швейных цехах или, по крайней мере, занимаются домашней работой. Но и это предположение не подтвердилось. Полы в доме мыла толстая веселая негритянка с губами-свеклами по имени Блэки (или, может, Бэки?), а к сложнейшим швейным машинам последнего поколения допускались только высококвалифицированные профессионалы.

Понадобилось какое-то время, чтобы догадаться: Орландо просто-напросто необходимо постоянное присутствие публики. Все просто. Его жизнь — театр. А какой театр без публики? Требуется зрительный зал. Желательно, полный. Обмирающий, восторженный, аплодирующий. Двадцать четыре часа в сутки с перерывами на сон. Элен и себя нередко чувствовала этим самым «зрительным залом»: постоянно приходилось обмирать, восторгаться и аплодировать. И она обмирала, восторгалась и аплодировала, к собственному удивлению не чувствуя никакого внутреннего дискомфорта. А вместе с ней обмирали, восторгались и аплодировали красотки-приживалки, обласканные и прирученные мастером. Женщины, женины, женщины...

Официальный штат Орландо тоже состоял исключительно из особ женского пола. Закройщицы, портнихи, вышивальщицы ежедневно являлись на работу к восьми утра и работали ровно восемь часов без перекуров и перерывов на кофе и обычную женскую болтовню. В мастерских господствовала её величество дисциплина. Когда же Элен узнала, что никто из сотрудниц не имеет регулярной зарплаты, работая в счет будущих важных заказов, она вообще перестала понимать что-либо. Важные и даже очень важные заказы гениальному кутюрье время от времени поступали.

Блестяще выполнив работу, он мгновенно обогащался и, рассчитавшись с долгами, так же мгновенно проматывал шальные деньги. Однако швеи, получая вознаграждение лишь от случая к случаю, тем не менее, никуда не девались и продолжали являться на работу каждый день в положенный час. «Советский Союз, да и только! — думала Элен, хмурия брови. — Летят, как пчелы в улей, влекомые непреодолимым желанием работать, работать и работать».

Голова Орландо постоянно была переполнена новыми идеями и проектами, каждому из которых не было цены. Средств на их реализацию всегда не хватало. Но об этом Элен узнала гораздо позже...

* * *

А пока полыхала любовь.

Отношения с Орландо перевернули жизнь Элен, превратив привычно-тусклое безрадостное существование в бесконечный праздник.

Орландо — ярко выраженный холерик, балагур и непоседа — имел привычку к развлечениям и беспечному времяпрепровождению. Рестораны, бары, ночные клубы... Без конца и без счета.

Подобная беззаботность была незнакома

Элен. Станным казалось тратить огромные деньги на праздные забавы. Привычка много работать и мало себе позволять, оказывается, прочно укоренилась в ней. Европейская жизнь научила быть ответственной за себя, зная, что никто другой о тебе не позаботится.

Орландо же ухитрялся сочетать работу и отдых, получая удовольствие и от того, и от другого. Элен следовало находиться рядом для создания контрастного и загадочного образа гениального повесы и будущего добропорядочного семьянина в одном лице. Она была избрана на роль спутницы и обязана соответствовать статусу гения.

Они всегда были на виду. Орландо — личность харизматичная — легко и с удовольствием общался с огромным количеством людей. Чувства скуки и уныния были ему неведомы. Их обаятельную пару всегда и везде принимали радушно. Элен постепенно привыкла к популярности, перестала реагировать, замечая завистливые взгляды женщин и похотливые мужчин. Её с детства готовили к сцене, публичность была частью первой (основной!) профессии. Балетмейстер — личность публичная. В тайных кладовых души бережно хранилась виртуальная картинка дома с камином, псом и счастливыми карапузами. Элен верила — у них с Орландо все впереди. Когда-нибудь он устанет от

бесконечных поездок, презентаций, приемов и балов, ведь невозможно развлекаться всю жизнь. Когда-нибудь и у них будет обычная стабильная семья...

Но Орландо, казалось, был абсолютно счастлив и большего не желал. Постоянная круговерть его вполне устраивала. И подружка устраивала тоже. Не глупа — лишних вопросов не задает, самодостаточна и хороша, черт возьми! Элен напоминала фарфоровую статуэтку тонкой ручной работы с правильными удлиненными пропорциями. Судя по тому, что среди дизайнерских находок гения появились разнообразные по форме, цвету и размеру крылья, представленные в коллекции «Romantic», ожившая статуэтка стала для творца музой и крылатой нимфой.

Орландо всегда любил одевать женщин — этого требовала профессия. Теперь он придумывал и моментально «отшивал» (как принято говорить в мире моды) для своей богини все новые и новые наряды от соблазнительных коротеньких шортиков и обтягивающих курточек, настолько искусно отстроченных цветными нитками, что банальная джинсовая ткань приобретала совершенно неожиданный лоск, до вечерних платьев с открытой спиной и двухметровым шлейфом. Вдвоем они не раз ошарашивали публику неожиданными

выходками.

Как-то по случаю юбилея одного лощеного политика они были приглашены на банкет. Политик любил проводить время в компании знаменитостей. Это увеличивало его значимость в собственных глазах. В разгар вечера, когда расслабленная элита уже без галстуков отдыхала, пила и гудела друг другу в уши про свои дела, устроили фотосессию. Политик поочередно обнимал сильных мира сего и их жен, счастливо улыбаясь в многочисленные объективы. Пришла очередь фотографироваться первому кутюрье и его спутнице. Элен в ярко-голубом бальном платье с облегающим бюстом и пышной юбкой в пол была неотразима. Принцесса да и только! Плотно облизнув высохшие тонкие губы, политик по-свойски притянул её к себе, крепко обхватив за талию. «Улыбочку» — прокричал кто-то из репортеров. В этот момент Орландо неуловимым движением руки вдруг сорвал с подруги многослойную юбку. Синей птицей легкая ткань взметнулась в небо. Политик дернулся от неожиданности. Камеры запечатлели его испуганный и растерянный взгляд.

Вздых изумления, граничащего с восторженным ужасом, пролетел по залу. На секунду публика прекратила жевать. Женщины «в панике» закрывали глаза растопыренными пальцами, унизанными бриллиантами. Мужчины,

затаив дыхание, застыли, словно дети в ожидании чуда.

И лишь виновница переполоха оставалась невозмутимо-безучастной. Она, как ни в чем не бывало, стояла под вспышками фотоаппаратов и ослепительно улыбалась, затмевая улыбкой бриллиантовый блеск. Её совершенные бедра были обтянуты стильными кокетливыми брючками, о существовании которых никто, конечно же, не мог и подозревать.

Шутку оценили, немедленно признав неординарной выдумкой стилиста — большого оригинала.

На следующий день газеты пестрели фотографиями политика и Элен, превращенной гениальной рукой творца из сказочной принцессы прошлого века в ультрасовременную стильную леди. Над головами — «синяя птица» удачи, вызывающая любопытство электората. Любопытство — это дополнительные голоса на предстоящих выборах, разве плохо?

— Будь ты моложе, — не слишком тактично заявлял Орландо Элен, — я сделал бы из тебя звезду!

«А сделать из меня жену тебе на ум не приходило?» — думала Элен, притворно улыбаясь, а вслух произносила: